

монах арсений (святогорский)

Старец Иероним

и возрождение Русского Афона

ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви*

ИС Р16-608-0324

МОНАХ АРСЕНИЙ (СВЯТОГОРСКИЙ)

✠ **Старец Иероним** ✠

и возрождение Русского Афона

Сибирская Благовонница

Москва

2017

Арсений (Святогорский), монах

М 16 **Старец Иероним и возрождение Русского Афона. —**
М.: Сибирская Благовонница, 2017. — 251, [5] с.

ISBN 978-5-906853-58-5

В 2015 году, 14/27 ноября, исполнилось 130 лет со дня блаженной кончины одного из самых почитаемых русских святогорских подвижников и наставников — старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова). За время его жизни в обители в ней собралось до восьмиста человек братии, что свидетельствует о высокодуховной благодатной атмосфере, созданной трудами отца Иеронима, на котором явно почивала печать богоизбранности. Это говорит и о том, что в обитель шли ради отца Иеронима, видя святость его жизни, желая стать подобными ему в христианских добродетелях, шли, чтобы стать членами духовной монашеской семьи, возглавляемой богоподобным в любви духовником. Память о нем бережно и благоговейно передается в Афонском Пантелеимоновом монастыре от поколения к поколению.

В этой небольшой книге помещен краткий очерк о жизни и трудах отца Иеронима на благо своего Отечества. На данный момент собираются материалы для общецерковного прославления старца Иеронима.

«Россия многим обязана ему, ибо светильник сей хотя горел на Афоне, но сиянием своим озарял и земную свою отчизну», — писал о иеросхимонахе Иерониме, старце-духовнике Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, протоиерей Андрей Ковалевский, автор первого, краткого жизнеописания старца¹. О трудах

¹ *Андрей Ковалевский, протоиерей. Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря, и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий. М., 2006. С. 58.*

блаженной памяти отца Иеронима на благо Отечества мы и постараемся рассказать, используя сведения из уже вышедших книг, посвященных старцу.

О ранних годах своей жизни и воспитании в родительском доме отец Иероним повествует в биографии, записанной им собственноручно в конце жизни¹.

Во славу Божию начинаю мою биографию на Афоне в 1885 году. Родился

¹ Жизнеописание старца Иеронима подробно см. в: Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012.

я в России, в Курской губернии, в городе Старом Осколе, от православных и благочестивых родителей из купеческого сословия по фамилии Соломенцовы в 1805 или 1806 году (запись и метрика затеряны были). Крещен в приходе Казанско-Николаевской церкви священником Иоанном.

Предки мои были родом из Тульской губернии города Дедолова, из духовного звания. Пращур был иерей именем Петр. Пришел и поселился на жительство в этом новом пограничном городке в начале XVII века. Фамилия его была Соломенцов. У его сына Феофилакта было пятеро сыновей: первый назывался Константин, второй — Никифор, третий — Илья, четвертый — Иван, пятый, меньший, — Григорий, который был мой дед.

От деда Григория родился мой отец Павел Григорьевич Соломенцов¹, у которого было четыре сына и одна дочь. Большой сын назывался Алексеем (в монашестве Аркадий), второй — Ильей, третий был я, в Крещении назван Иоанном. Родился июня 28-го дня и в тот же день крещен во имя Иоанна Бессребреника. Сестра называлась Евдокия (в монашестве Маргарита, теперь игуменья Борисовского монастыря Курской губернии²). Четвертый сын был Димитрий.

Дом наш сперва был на большой улице против Успенской церкви (которая прежде была женским монастырем). В этой церкви в это время был священником

¹ Скончался 24 июня 1847 года. — *Примеч. ред.*

² Родилась в 1813 году, скончалась 14 сентября 1886 года. — *Примеч. ред.*

отец Иаков Белявский, вдовец. Очень был благоговейный, тихий, служил часто со слезами (я это потому знаю, что я несколько лет при нем пономарил).

Семейство наше любило часто ходить в церковь, особенно бабушка наша, которая почти каждый день ходила на всякую службу. Но надобно сказать, к чести моих сограждан, что в мое время они любили посещать святые храмы, особенно в воскресные дни и праздники, — полны народа все церкви (которых в то время было семь). Как я помню, от 1810 до 1830 года нравственное настроение моих сограждан было очень религиозное, благочестивое. Раскольников и сектантов вовсе никого не было в городе. Посты хранили и среды и пятницы тоже, а особенно Великий пост почитали; не слышно было, чтобы

какой дом разрешал есть мясо в посты. Даже и дворяне соблюдали посты. А теперь говорят, что сограждане наши пофранцузились: не хранят постов — верно, думают, что это не грех. А отцы этак не делали. Помню, однажды в Великий пост, в субботу, купец Осип Максимович Фастов купил на базаре раков и нес домой. Увидавши его, Симонов удивился и сказал ему: «Вот ты и сам знаешь устав церковный, что это грех есть в пост, а ты соблазняешь других этим». Тот отвечал ему: «Я по благословению устава ем раки; там сказано, что в Великий пост разрешается по субботам и неделям есть черепокожные».

Однажды в Лазареву субботу семейство наше пригласило священника в дом на обед. Священник пришел, пообедал

и после спросил, из чего приготовлен был суп. Ему отвечали: из потрохов свежей рыбы. «Да разве сегодня позволяется это есть?» — спросил священник. Ему отвечают, что сегодня едят икру. «Да, — сказал священник, — икру, а не рыбу». Ему отвечали: «Простите, батюшка, в супе нашем не было рыбы, а один потрох, а потрох не рыба». — «Нет, — сказал священник, — потрох все равно что и рыба, потому не должно так делать». Тогда они смутились и попросили извинения, что вместо угощения по неведению сами согрешили да и священника ввели в грех. Вот какие тогда были священники и христиане!

На восьмом году меня отдали в школу учиться грамоте. В то время еще в городе не было уездного училища, а была «государева школа», в которой я был три

года: выучился читать, писать, рисовать, грамматику, арифметику и тем окончил жалкое купеческое образование. Увы! Если бы не помогло семейное благочестие и церковное пение да случайное чтение единственного в то время духовного журнала «Христианское чтение», я, подобно моим сверстникам, погрузился бы в грубое душевное житие.

От отроческих лет церковь была моим единственным утешением. Звонить, кадило подавать, находиться в алтаре, читать и петь — эти занятия были для меня *паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Бабушка моя была неграмотная, но очень любила слушать чтение житий святых. Часто она заставляла меня читать Четии-Минеи, а потому я рано знал их. Часто случалось, что от долгого чтения начну дремать, тогда

бабушка вынет из большого своего корсета сосульку медовую, или груздик, — я съем ее, и ободрюсь, и еще прочитаю житие. Таким образом я сделался чтецом хорошим, бойким.

В то время благочестивые мои сограждане были большие охотники до церковного пения, так что и богатые купцы из первых домов за честь считали ходить на клирос. Особенно приснопамятны купцы Симоновы, которые постарались и хор певческий составить, куда и я был приглашен еще молодым, лет семнадцати. Это меня очень утешало. Общество было прекрасное, певали много и концертов. В семействе моем все умели петь. Бывало, под праздник или в воскресенье сойдемся все в залу, покадим и лампаду зажжем и начнем петь догматики, стихиры,

ирмосы, тропари, Херувимские и прочее. Голоса были громкие, все знающие: тенора, четыре баса, а женщины — альты и дисканты. Таким образом три-четыре часа в сладость пропоем. А иногда так громко, что на улице проходящие останавливаются, снимают шапки, крестятся, говоря, что у Соломенцовых всенощную служат. Это занятие очень утешало нас, и оно заменяло обыкновенную мирскую рассеянность. А когда, бывало, приедут из монастыря наши монахини погостить к нам — две тетки, жившие в Орловском монастыре, — тогда наш дом превращался как бы в церковь: частое пение, чтение и моления совершались ежедневно.

Как помню, еще с пяти лет я начал желать пойти в монастырь. Большая любовь к церкви, особенно к пономарству,

заменяла для меня все детские игры. С шести лет я выучился пономарить и звонить в церкви Успения Божией Матери, которая была против нашего дома.

В праздники и в воскресные дни проспать утреню нельзя было, потому что бабушка наша была строгая, не попускала никому проспать утреню, сама пробуждала всех. А которые были тяжелы на подъем, тех она подымала палкою. За прилежание ли к церкви или ради расположения к монашеству благодать Божия часто утешала меня разными просвещениями; некоторые из них были так резки, что на всю жизнь мою остались незабытыми в моей памяти. Однажды, когда было мне около семи лет от рождения и я уже научился пономарить, как теперь помню, я шел со свечою и по обычаю стал пред

иконою Спасителя, прилежно смотря на лицо Его; в это время пели догматик: *Царь Небесный за человеколюбие на земли явися и с человеки поживе.* Эти слова поразили сердце мое страшным удивлением и сладчайшим умилением. Слезы потекли из глаз. Слова эти начали повторяться беспрестанно, волнуя сердце сладким удивлением. Я плакал, ужасался и радовался. Слова повторялись часто и с новыми чувствами удивления и радости. Так продолжалось более двух недель. Потом мало-помалу стало это уменьшаться, но память о сем дивном просвещении осталась на всю жизнь мою.

Подобное умиление, плач и рыдания продолжительные были у меня уже от скорби, что не отпустили меня в монастырь. Один иеромонах Площанской

пустыни, сборщик, квартировал в нашем доме. Я просил его, чтобы он взял меня в монастырь, и он согласился. Мать моя согласилась отпустить меня и приготовила было меня в дорогу. В это время отца моего не было дома, он служил в магистрате бургомистром. Когда он пришел домой, мать моя говорит ему, что она отпускает меня в монастырь, в надежде той, что и он согласится на это дело, но отец за это рассердился и не пустил, сказавши, что раньше 23 лет он не отпустит меня. Это ужасно меня опечалило, и я от этого начал плакать и рыдать, и это продолжалось более двух недель. Бывало, пойду в уединенное место, упаду вниз лицом и плачу, рыдаю и припеваю *Милость мира... Свят, свят...* и прочее жалобным голосом, потому что не знал, как в скорби

надобно молиться. С того времени я уже и не помышлял, чтобы меня прежде совершеннолетия отпустили в монастырь. Но вместо того Промысл Божий поэкономил мою юность добрым содружеством. В воспитании человека много влияет содружество: доброе — для добра, а злое — для зла. Содружество доброе избавило меня от рассеянной жизни и поддержало на пути благочестия. Дружба наша состояла из шести человек. Мы дали обещание Богу, чтобы не жениться, а пойти в монастырь и быть монахами, и подтвердили это клятвою. Вследствие сего мы часто сходились для совещаний и бесед, чтения и пения. Сограждане наши прозвали нас монахами, но все уважали нас.

Приблизилось время моего совершеннолетия — 23 года. Я в этот день за чаем

сделал родителю моему земной поклон, поблагодарил его за воспитание меня в страхе Божиим и при том сказал ему, что от сего времени он уже не отвечает пред Богом за мое поведение. Это мое объяснение тронуло его и родительницу мою. Отец ответил мне так: «Сын, я догадываюсь, для чего ты так сделал: чтобы иметь свободу без нашего соизволения пойти в монастырь. Но мы просим тебя, чтобы ты этого не делал, ибо три года уже прошло, как мы предлагали тебе жениться, и ты тогда еще заявил нам, что ты не хочешь жениться, а желасшь пойти в монастырь. Мы со своей стороны дали тебе на это наше родительское согласие и обещались более не принуждать тебя к женитьбе, а только при этом просили тебя, чтобы ты пожил еще с нами и помог бы

семейству по торговле. И ты тогда обещался нам пожить еще с нами до совершеннолетия и так исполнил свое обещание. А теперь мы вновь просим тебя и еще пожить с нами, по крайней мере покамест брат твой меньший возмужает и возможет управлять лавкою». Хотя и тяжело показалось для меня прошение их, но ради послушания родителям я нехотя принужден был дать им свое обещание еще пожить с ними, покуда это будет для меня удобоисполнимым.

Родители мои были истинные христиане, любили Бога и исполняли Его заповеди. Часто посещали церковь, любили молиться и дома. Родитель знал наизусть четыре акафиста; во всю жизнь свою не пил хмельных напитков, никогда не ругался по-соромски, божиться

считал за великий грех, был строг, но очень молчалив, и все боялись его и любили; пиров, обедов и гуляний не любил, за то обзывали его скупым, а другие величали его «морозом». Впрочем, он любил бедных родных и всегда приглашал их к обеду, любил читать Библию, потому Библия — большая, екатерининская — постоянно лежала у шкафа, где он садился чай пить. И, не прочитавши листа два из Библии, он не начинал пить чая (который был его любимым напитком, и особенно со сливками). Среды и пятницы почитали, также и посты, и хотя ели рыбу, но молочного не ели никогда. А в Великий пост первую неделю все семейство ничего вареного не ело и даже чаю не пило до субботы, прочие недели разрешали только на масло постное.

Мать моя¹ была грамотная, богобоязненная, очень трудолюбивая, любила читать жития святых отец, была веселого нрава и любила шутить, любила монашество. Тетка, схимонахиня Ксения, была ее другом, от которой она научилась благочестию.

Нас, сыновей, у отца нашего было четверо, а дочь была одна, которую родители очень любили. Она была резвая. На одиннадцатом году ее отвезли в Орел, в монастырь к монахиням-теткам, для обучения в рукоделии, особенно золотошвейному искусству. Она там прожила два года. Потом привезли ее назад домой и начали по обычаю глупому купеческому лет

¹ Марфа Афанасьевна Соломенцова (в схиме Еввула; † 4 мая 1860 года). — *Примеч. ред.*

за пять вперед до замужества заготовлять наряды, и притом еще в большом количестве. А она, приехав из монастыря, начала с подругами своими читать романы, которые воспалили ее воображение и усилили в ней страсти. Собою она была красива. Начитавшись романов, она стала о себе думать, что она умная дама. Иногда, прочитавши какой-нибудь роман и увлекшись им до восторга, она передавала мне свои чувства и тонкие понятия, желая показать, что она уже умеет ценить и рассуждать о всяких предметах. И это я слышал от нее многократно. Таким образом моя легковерная сестрица в малое время зашла далеко. Я молился о ней, да просветит ее Бог, да наставит на всякую истину, а на себя я не надеялся, чтобы мог вразумить и обратить ее к любви Божией.

Вот уже ей минуло 16 лет, и в это время появилось за нее свататься до двадцати женихов, но нравился ей из них только один. Это был полковой казначей.

Однажды она мне много рассказывала о геройстве разных героинь, описанных в романах. При этом я спросил ее: «Скажи мне, сестра, какое ты имеешь понятие о романах? Что такое роман?» Она отвечала мне: «Да всем известно, что роман есть история о каком-либо событии или повесть о приключениях». При этом я, рассмеявшись, сказал ей: «Если б это было так!» Она торопливо спросила: «Так как же иначе? И скажи мне твое мнение о романе. Неужели все это ложь?» Я ей сказал: «Сестра, вот мое мнение, и мнение всех здравомыслящих, и всех великих святых: роман есть миф,

то есть сказка, басня, выдумка или мечта ложного воображения». За этим она так и ахнула, проговоривши: «Ах, Боже мой, а я думала, что все, писанное в романах, есть истина и верные события!» Я ей ответил: «Я укажу тебе таковые события истинные, которые засвидетельствованы всею нашею Святою Церковию». — «Дать мне говоришь о святых книгах и Четьях-Минеях?» — «Да, — сказал я ей, — да разве в этих книгах написано не чудно, не дивно, не ужасно и не страшно? А это не выдумка, не ложь, а сущая есть истина. Вот ты имеешь имя святой Евдокии, а читала ли ты ее житие и страдание? Вот где увидишь истинное геройство и пречудную повесть, каковых ты в романах не читала». Затем она побежала читать житие преподобномученицы Евдокии.

Прочитавши ее житие и прочих подобных жен, как то: Евгении преподобномученицы, Аполлинаруии, Феодоры, — наша любительница чтения романов видимо переменилась, на романы уже и смотреть не хотела и так полюбила чтение святых книг, что часов по пять их читала. Иногда мать принуждена была силою оттаскивать ее от книги, говоря, что она от долгого чтения похудела и сделалась бледная, что ее теперь никто не возьмет замуж. А она, несмотря ни на что, стала ходить часто в церковь и, к горю матери, не стала убираться. И скоро Промысл Божий помог ей пойти в монастырь.

Это было таким образом. На Масленой неделе она с невесткою в санках каталась по городу и простудилась. От этого она заболела, и долго доктора лечили

ее. По прошествии шести месяцев она выздоровела, но не совсем, боль в груди осталась и угрожала ей чахоткою. В это время у нас гостила схимонахиня, наша тетка, мать Ксанфира. Сестра упросила ее, чтобы она взяла ее в монастырь. Тетка дала ей слово, что если отпустят, то она теперь же возьмет ее с собою в монастырь. На другой день утром мы все собрались, по обычаю, в спальню родительскую пить чай. В это время входит сестра и, ставши на колени пред отцом, начала просить со слезами отца, чтобы он отпустил ее в монастырь. На это отец сказал ей: «Так как брат твой хочет скоро оставить нас и пойти в монастырь, потому мы теперь отпустить тебя не можем, ибо в один раз двоих любимых детей отпустить для нас очень тяжело и скорбно, а если хочешь,

то проси брата, чтобы он за тебя пожил с нами три года». После этих слов сестра встает и с рыданием бросается мне на шею, говоря: «Любезный братец, выкупи меня!» Все мы, вставши со стульев, расплакались. Я от слез едва мог выговорить: «Согласен, согласен, но только год». Отец, протянувши ко мне свою руку, сказал: «Три, три!» Я, давши ему свою руку, сказал: «Два, два!» Поцелуем руки отца мы покончили этот торг.

Скоро, дня через три, сестра уехала с теткою в монастырь. При сем я вспомнил одно происшествие, предрекшее событие сему делу по вере и молитве просящих от Бога разрешения сомнительному делу. Это было так. Из числа двадцати женихов, искавших руки сестры моей, один жених понравился нашим

родителям, и они пожелали выдать ее за него. Но так как он был иногородец, из города Орла, потому надобно было узнать о нравственном и вещественном состоянии его семейства. Для этого дела послан был я с матерью в Орел. Там мы узнали, что семейство этого жениха несостоятельное, а потому и решили не выдавать за него нашей сестры. Мать моя квартировала в монастыре, у монахини нашей Ксанфиры, а я жил в гостинице. В воскресенье после обедни я был в монастыре у тетки. Туда пришел протоиерей отец Лука — старик вдовец. Мы вместе пили чай и разговаривали о нашем деле. Мать скорбела и горевала, что оказалось препятствие для выдачи ее дочери за любимого человека, колебалась и сомневалась и не знала, что делать. Протоиерей

знал все это дело и, видя ее скорбящей и сомневающейся о сем, посоветовал ей решить это дело жребием, сказавши, что и в самых великих делах святые апостолы метали жребий. Мать на этот совет согласилась. Написали два жребия: один — выдавать в Орел, другой — не выдавать; положили жребии пред иконами, зажгли свечи, встали и помолились, а потом вынули жребий, на котором было написано: «Выдавать в Орел». Поблагодарили Бога за решение нашего сомнения, успокоились, сели и начали пить чай, а мать начала плакать и укорять себя, говоря: «Что это я, глупая, сделала? Для чего я положилась на жребий, будучи убеждена в невозможности быть этому делу?» Протоиерей от души смеялся ее малодушию, а мать сердилась на

него, говоря: «Вы, батюшка, вовлекли меня в этот грех. Зачем вы посоветовали мне кинуть жребий? Нет, нет, я не хочу ее выдавать в Орел и жребия не признаю истинным». Но протоиерей продолжал смеяться, говоря: «Так будет, как жребий сказал. Без сомнения, так будет». Мать за эти его слова еще более сердилась на него, а он, выходя из келлии и прощаясь, повторил свои слова, сказав: «Я верую, что Бог сотворит так и Евдокия выдана будет в Орел!» И затем отец протоиерей вышел из келлии, а мать еще долго продолжала плакать. Когда сестру проводили в Орел в монастырь, тогда мы вспомнили о предвещании жребия. Бог оправдал чудным образом веру отца протоиерея. Я еще прожил за сестру в доме родителей два года. Об этом событии

сестра часто вспоминала в письмах своих ко мне. И в самом деле, самоотвержение ее было примерное и редкое, и за то Бог удивил над нею милость Свою в монашестве, даровав ей многие благодатные дары ко славе Своей и для спасения многих душ, вверенных ее путеводительству. Теперь в монастыре ее 800 сестер. Вначале она жила в Орле у тетки — монахини Ксанфиры, которая была старица опытная, а когда сгорел в Орле монастырь их, тогда они переселились в Борисовский монастырь. С ними еще были две племянницы. Тут сестру сделали благочинною, и она в этой должности была 20 лет; потом ее избрали игуменьей. В это время прибыли к ней еще две племянницы. Мать наша в ее монастыре скончалась, будучи наименована в схиме Еввулою.

Во время моего двухлетнего жития при родителях за сестру я перенес тяжкие испытания и едва не погиб. При всей моей начитанности в Божественных книгах и любви к монашеству я много пертерпел от нападения страстей. Потому мне страшно тяжело было разлучаться с миром и оставлять дом родительский. Враг сильно нападал на меня с разных сторон — хотел всячески отвратить меня от намерения моего, а потому я с великою болезнию сердца оставлял дом мой — плакал и рыдал. Но в это время совесть говорила мне, что это попущено Богом и так сему должно быть: «Мужайся и крепись, все это скоро пройдет, ибо через это пролитие крови твоей сердечной оценится любовь твоя к Богу. А как ты думаешь, что Тому Самому Любителю твоему

ради тебя легко было на Голгофе висеть на Кресте?» Когда я спросил опытного старца о моем трудном и горьком разлучении с миром, что это значит, он отвечал мне, что ежели этого не случится в начале оставления мира, то оно будет в монастыре, ибо сего требует евангельское самоотвержение, которое вначале бывает страшно тяжело, а после делается благим игом и легким бременем Христовым.

Разлучившись с сестрой, Иван Павлович начал чувствовать духовное одиночество, уныние стало его смущать, и враг спасения человеческого восстал на целомудренного юношу с сильной бранью плотских страстей. Открывал ему и мир свою пропасть,

показывая прелести и утехы. Родители начали предлагать ему женитьбу, сватали богатых невест, чем еще более усугубляли брань. Строгим постом, ночными молитвенными бдениями боролся юноша с приражениями мира, плоти и дьявола, всеми своими силами боролся он, оберегая свою девственную чистоту, и эта борьба отразилась на его здоровье. Он исхудал, совсем высох, мало вкушал пищи, почти не спал и близок был к умопомешательству. Но Господь, попускающий сильным борцам сильные искушения, испытав крепость его произволения, явил ему в брани Свою помощь, явил дивно, чем и запечатлел навсегда его духовное избрание. В одну ночь,

когда приступ плотской брани в нем был особенно силен и видел он себя совсем погибающим — ибо помощи ниоткуда не было, молитва как бы перестала действовать, ум помрачился, облака помыслов страстных затемняли сознание и весь он горел как в огне, — бросился он из комнаты своей в сад и здесь, под деревом, пал на колени и стал слезно молить Господа Бога помочь его бессилию, защитить его от силы вражией, сохранить его в чистоте. «Если Ты, Господи, не поможешь мне, — говорил он воодушевленно, — то уже не могу терпеть сей брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою от меня, чем осквернить мне ее плотскою нечистотой».

Много и долго молился юноша под открытым небом в ночной тишине, и вот около полуночи внезапно разверзлись над головой его небеса, и свет, подобный огненному пламени, снисшел на него с высоты, но не опалил его, а чудно прохладил, исполнив сердце его неизъяснимой радости. От изнеможения пал он на землю, лежал как мертвый и только чувствовал, как таинственный огонь проходит во все жилы его и составы, прохлаждает и истребляет в них огонь плотских похотений. Так пролежал он долго, пока не заблаговестили к заутрене. Тогда, очнувшись, он встал и почувствовал себя совсем новым человеком: на душе было светло и радостно,

помыслов страстных как не бывало, и само тело его стало как-то необычайно легко и подвижно. С радостью пошел он в церковь к заутрене, усердно молился и благодарил Бога за избавление от страстной непосильной брани. Пришедши из церкви домой, он увидел, что то дерево — груша, под которой он ночью молился и сподобился благодатного видения, засохла и стояла обнаженной от листьев и плодов. Скоро заметили это и домашние его и много удивлялись, как это случилось, что груша в одну ночь так внезапно усохла. Один Иван Павлович понял истинную причину этого явления, но утаил ее от всех в глубине своего сердца. Он благодарил Господа

деннонощно за это чудное проявление на нем Промысла Божия и помощи ему свыше, ибо с тех пор совершенно и навсегда избавился он от брани плотской, страстных помыслов и сонных греховных мечтаний, мирно пребывал в мире среди всех его соблазнов и преуспевал в подвигах духовных.

Конечно, не могло утаиться такое важное событие в жизни старца-юноши, и без того за правильную жизнь всеми уважаемого. Но до сего времени он привлекал к себе внимание лишь примерным благочестием, теперь же он стал чистым сосудом, исполненным благодати. К нему стали обращаться за разрешением разных вопросов и недоумений. Таким образом, еще

до монашества он был подготовляем благодатию Божией к своему старческому служению.

Вспоминает об Иване Павловиче его брат и друг детства Иван Фомич Соломенцов, с которым вместе учились они в «государевой школе»: «Около двенадцати лет было ему от роду, как оставил он мясную пищу и от гостей удалялся. Был у нас мастеровой из Москвы, старообрядец, еврей сапожник. Вот они часто собирались вместе с Иваном Павловичем, вели разговоры о вере, спорили. А у Ивана Павловича был двоюродный брат Иван Егорович Тулинов, с которым они были родственны по духу, как единоутробные братья [родственны по плоти]. Вдвоем

они тогда отвели от раскола до десяти девушек.

У родителей Ивана Павловича был кожевенный завод. Он торговал этим товаром, ездил по ярмаркам и всегда успевал с продажей прежде всех, так что ему завидовали его товарищи. А как отправился на Афон, написал мне письмо: “Где ни жить, а Богу надо служить на всяком месте владычества Его. Благослови, душе моя, Господа”. Давал наставления, как надо жить и от чего удаляться. Советовал иметь друга по душе, чтобы от соблазнов удерживать себя. Много у меня от него писем»¹.

¹ Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима... С. 21.

Были с ним еще случаи особого действия благодати Божией.

Однажды, — рассказывал сам старец, — в годину испытания России болезнию холерою я ехал из Старого Оскола в Острогожск. Чувствуя в себе припадки холеры, я остановился в селе Репьевка, но на месте я еще более почувствовал болезнь, меня беспрестанно рвало и несло. Не желая беспокоить хозяев дома, ибо и кучер мой (тогда ездили на своих лошадях) всевозможным образом сторонился от меня, уклоняясь в чем-либо мне послужить, я, ходя под навесом дома и чувствуя в себе крайнее ослабление, решился сесть в свою повозку и там ожидать

смерти, держа в уме молитву Иисусову, основываясь на изречении Слова Божия: «В чем застану, в том и сужду». Убедившись в этом своем помысле, я уселся, крепко молясь не о том, чтобы избавиться от болезни, но что мною не исполнен данный обет идти в монашество, хотя причины сего и были довольно благословны. Размышляя таким образом, я пришел в какое-то забвение и, глядя открытыми глазами, вижу пред собою боголепную Жену, всю в белом одеянии и покрытую как бы флером; возле Нее, гораздо ниже, как бы до колен, стоит мужчина в голубом светлом одеянии, имевший на себе накинутый сверху плащ. Помысл мне сказал, что это Божия Матерь и святой Иоанн Богослов, и я тотчас пришел в сознание, почувствовав себя совершенно здоровым.

Перекрестившись и поблагодарив Господа, я проворно соскочил с повозки и пошел по направлению к жилищу. Возница мой с величайшим удивлением смотрит на меня и следует за мною. Придя в хату, я тотчас спросил кушать и нашел единственно только жидкую молочную кашу, называемую по-малороссийски кулеш (чего в то время наиболее опасались). Сверх моего обыкновения я покушал достаточно и совершенно выздоровел. Событие сие всегда живо представляется в моей памяти с благодарностию к Царице Небесной и святому Иоанну Богослову. Припоминаю и то, что будто бы Царица Небесная, обращаясь к святому Иоанну Богослову, указала перстом Своей правой руки на меня; было ли при сем что произнесено, я не помню.

С юных лет Иван Павлович возлюбил Господа всей душой и всеми помыслами своими стремился служить Ему в подвигах поста и молитвы. Он был иноком по природе своей души; сын богатых родителей, не пленился он этим богатством, тяготился роскошью, уклонялся удовольствий мирских и искал единого на потребу — спасения души — и при помощи Божией, живя в мире, соблюл себя непорочным от его скверн. Девственную чистоту души и тела тщательно сберег он среди мира, его соблазнов и сует. По торговым делам своего отца ему приходилось вращаться меж разными людьми, но среди них мудро соблюдал он верность Господу и тщательно

исполнял Его святые заповеди. Тяготило его занятие торговлей, но нужно было оказывать послушание родителям, и волей-неволей ему приходилось нести это тяжкое для него иго, помогать отцу в его делах до конца обещанного срока. По окончании этого срока родители больше не удерживали его и дали ему благословение на поступление в монашество, ибо наконец они вполне убедились, что к миру и его красотам не лежит сердце их сына, но что всецело объят он желанием служить Богу в подвигах иноческих.

В это время Господь послал Ивану Павловичу собрата по духу, родственника его Николая Гончарова, который также горел желанием иночества

и с которым мог он откровенно беседовать и совещаться, как и где обрести им удобное пристанище ко спасению.

В начале 1831 года оба ревнителя подвигов духовных со странническими котомками за плечами вышли из родного города в путь-дорогу, чтобы посетить российские монастыри и присмотреться в них к чину и порядку иноческого жития.

Сначала, — повествует далее старец Иероним, — я поступил в новообновляющийся Дивногорский монастырь близ города Коротояка Воронежской губернии, в восьми верстах от города по ту сторону Дона. При мне были два друга моих:

Николай Афанасьевич Гончаров и Алексей Никитич Черепенников, острогожский мещанин. Это место нам полюбилось, как удобная пустыня для спасения. Красивое, даже чудное местоположение. Здесь находилась чудотворная икона Божией Матери, называемая Сицилийскою. Братии было мало, около десяти человек. Игуменом был павловский протоиерей, в монашестве называвшийся Афиногеном, — человек ученый. Он принял нас с тем, чтобы сделать общежитие, а иначе мы не хотели оставаться у него. Он как будто с охотою обещался нам сделать это, но впоследствии раздумал. Так как не было для нас помещения, то игумен предложил нам, чтобы мы для себя построили келлии. Мы так и сделали: построили дом для помещения четырех человек

и перешли в него. Начали поживать как будто и хорошо. Службы Божии совершали исправно и усердно. Пение устроилось хорошее. В это время, в 1832 году, много поклонников¹, проходя в Воронеж к новоявленному святителю Митрофану, заходили в нашу обитель, служили молебны и приносили хороший доход обители. Игумен рад был ему и забыл думать об общежитии. Но, видя, что мы ожидаем от него, он постарался нас удалить от себя. Мы, поняв свою ошибку, оставили его с миром и перешли в Курскую губернию, в бедный монастырь, называемый Знаменско-Хотмыжский. Там в это время был строителем отец Геннадий,

¹ Здесь паломники названы по-афонски поклонниками. — *Примеч. ред.*

который пред тем был казначеем в Глинской пустыни. Мы были с ним знакомы, и он с радостию принял нас. Здесь есть чудотворная икона Божией Матери Казанская. В этом монастыре мы прожили около года. Повидавши разных соблазнов, а еще больше наслушавшись о них, нам пришло желание найти такой монастырь, куда не приближались бы жены.

Жизнь в обоих монастырях не соответствовала их стремлению иночествовать не ради получения сана священства, должностей и наград, а единственно ради спасения души. Они хорошо видели, что в этих монастырях не избежать им скорого повышения и рукоположения

в иеромонахи, которого особенно трепетал смиренномудрый Иван Павлович, искавший в иночестве более всего безмолвия душевного, не надеясь сохранить его в священном сани. Он спрашивал бывалых людей — странников, где есть на Руси такая пустынная обитель, где бы можно было ему обрести желаемое безмолвие и уклониться от принятия сана. Ему сказали, что в России вряд ли найдет он подобное место, и посоветовали ему направить стопы на Святую Гору Афонскую, где в уединенных скитах и пустынных келлиях¹ он может найти желаемое.

¹ На Афоне келлия — жилые и хозяйственные постройки с церковью. — *Примеч. ред.*

В это время нашего города купец, — продолжает рассказ отец Иероним, — мой приятель, Василий Максимович Фастов, только что возвратился из путешествия ко святым местам. Был он и на Афоне два месяца и осмотрел все с любопытством. Сей человек, как нарочно, Промыслом Божиим послан был к нам. Он, выслушав наши разговоры и желанія, посоветовал нам так: «В России вы не найдете такого места, куда бы женскій пол не проникал; подобное место, и единственное в Православной Церкви, находится только на Святой Горе Афонской. Вот, если хотите, идите туда, ничтоже сумняся, ибо я видел там и русских, хорошо живущих». Этот его совет мы приняли с радостію

и немедля оставили Хотмыжскую Знаменскую обитель и отправились в Старый Оскол для получения заграничных паспортов. Это было в 1834 году, в марте. Мы прибыли в Старый Оскол. Но, так как приближалась Святая Пасха, нам пришла мысль провести Пасху в Толшевской пустыни и пригласить жившего там друга нашего, Ивана Егоровича Туликова, не пожелает ли он вместе с нами путешествовать на Афон. На шестой неделе мы прибыли в Толши. На Фоминой неделе я заболел сильно воспалительною лихорадкою, которая продолжалась месяца два. Товарищ мой, видя, что я медленно выздоравливаю и, следовательно, этот год не могу начать далекое путешествие, пожелал посетить Лавру святого Сергия и Оптину пустынь. Таким образом,

нехотя я остался на будущий год в Толшах со скорбию о неудаче нашего предприятия, не понимая того, что все Промыслом Божиим строилось к лучшему, ибо этим средством я приобрел многие и важные опыты, а к тому же я уклонен был от ответственности несоблюдения клятвенного дружеского обета, случившегося от забвения.

И вот наконец два друга — Иоанн и Николай — отправляются на Афон. Но не суждено было Богом сразу достигнуть им этого многожелаемого ими небурного пристанища ко спасению. Приехали в Константинополь, но по случаю открывшейся там чумы не были допущены на берег и должны были

возвратиться в Россию. Они решили отправиться из Одессы в Воронеж, чтобы поклониться святым мощам святителя и чудотворца Митрофана и тем хотя несколько утишить свою скорбь. Так они и сделали. Здесь был в то время один юродивый, отличавшийся даром прозорливости, и вот оба странника пожелали услышать от него, есть ли воля Божия быть им на Святой Афонской Горе и подвизаться там. Когда пришли они к юродивому и спросили его об этом, тот, пристально на них поглядев, сказал им: «Идите, мои братья-староскольцы, идите в Святую Гору Афонскую, идите. Ты, брат мой Николай, придешь туда, немного поживешь, получишь святую схиму и отправишься

в невозвратный путь, а ты, брат мой Иоанн, придешь на Афон да свой улей заведешь и будешь рой отпускать. Идите, Бог вас благословит!» Пришлось, однако, братьям-старооскольцам некоторое время потерпеть еще в России, пока путь на Афон сделался для них свободен. Они поступили в Толшевский Спасо-Преображенский монастырь. Старец Иероним повествует далее.

Пред путешествием моим за границу, на Афон, в 1836 году я жил в Толшевской пустыни Воронежской губернии. В этой общежительной обители мне дано было два послушания: так как я знал

пение — и простое, и нотное, то мне приказано было ходить на клирос петь, а к этому еще поручена была братская трапеза, где я служил отцам с одним помощником.

Однажды (это было в январе) по окончании первой и второй вечерней трапезы и по уборке всего (что протянулось до 10 часов), давши друг другу прощение, мы пошли по своим келлиям спать. Ночь хотя была безлунная, но небо было чистое и звезды ярко блистали. Идя в свою келлию, я заметил, что огни у отцов в келлиях были уже потушены. Пришедши в келлию, я прочитал повечерие и чувствовал себя очень спокойным и вовсе не расположенным ко сну. Но так как до утрени времени оставалось мало, то я расположился лечь на кровать, дабы хотя немного поспать, но еще не лег, как в это

время мысль сказала мне: «Бес идет». Я спокойно спросил у нее: «Где же он?» «Вот, смотри на северо-восток», — ответила мысль. Я сказал: «Ну, пусть идет!» И обратил туда глаза свои. И в самом деле, стена келлии исчезла, и я увидел в расстоянии около 50 саженей человека черного, похожего на цыгана, среднего роста, голого, кругленького, волосы на голове имеющего короткие. Он приближался ко мне медленно, и чем ближе он подходил ко мне, тем более лицо его багровело или краснело. Я смотрел на него пристально, но спокойно, без малейшего страха. Когда он приблизился ко мне так, как на три или четыре сажени, тогда лицо у него сделалось очень красно-огненным, что заставило меня более не допускать его до себя, и я с полным спокойствием

оградил себя крестным знамением, произнеши слова: «Силою Честнаго и Животворящего Креста Господня». За этим бес исчез мгновенно, и все в келлии приняло свой вид. Я хотя и очень удивился этому видению, впрочем, лег на кровать и спокойно заснул до утрени. Поутру я рассказал моим друзьям о случившемся мне видении, и они подивились этому. Один из них сказал, что видению сему должна быть какая-либо причина, ибо без причины не бывает действия. Я начал искать в себе причины, и хотя не скоро, но благодать Божия помогла мне найти ее. Вот в чем нашлась причина. Когда я был лет двенадцати, то читал Четии-Минеи, то есть жития святых, и когда прочитывал жития преподобных, в которых писано о разнообразных явлениях бесов

и о бессилии их пред знаменіем Честного Креста, я всегда дивился этому и нередко задавал себе вопрос: отчего такіе гордые и сильные существа, то есть князи греховного мира, так много боятся Святого Креста, что от одного его знаменія мгновенно исчезают? Такое невежественное мое сомнение в силе Честного Креста и было во мне до этого случая, коим благодать Божія благоволила уверить меня на опыте во всесилии Честного и Животворящего Креста Господня.

В Толшевской обители Иоанн своим благонравіем привлек к себе любовь всей братіи. Его уговаривали остаться там навсегда, но некое непреодолимое влечение тянуло его на Афон, и, как только он узнал, что

путь на Святую Гору стал свободен, ничто не могло удержать его долее в Толшах. Вместе с Николаем пошли они в Старый Оскол, прожили в нем некоторое время и собрали вокруг себя семнадцать старооскольцев, пожелавших вместе с ними отправиться на Афон.

Прибыл я на Святую Гору в 1836 году, в сентябре, с 17 товарищами, которые разместились по разным местам, а я по совету духовника, старца Арсения, купил келлию святого пророка Илии в пределах Ставроникитского монастыря и принял к себе в сожителство двух послушников. (Со мною

прибыл и упомянутый выше друг мой, Николай Афанасьевич Гончаров, который вскоре на Архангельской келлии помер; в схиме наречен Никодимом. Другой известный острогожский подвижник — А. Н. Черепенников — возвратился в Россию.) В 1838 году я ездил в Иерусалим. Прожил в келлии четыре года, а затем по приглашению Русского монастыря и по благословению старца моего Арсения оставил келлию и перешел на всегдашнее жительство в Русский монастырь с двумя моими учениками — Парфением и Митрофаном. Это было в 1840 году, в сентябре. Того же года, в ноябре, я был посвящен в иеромонаха, а в 1841 году, во святую Четыредесятницу, я принял святую схиму и переименован из Иоанникия в Иеронима

(мантию я принял на келлии святителя Иоанна Златоуста¹ у духовника и наречен был Иоанникием). От юности моей я имел большое влечение к безмолвию. Начитавшись книг умозрительных аскетических наших святых отцов-мистиков, я еще более начал желать жизни безмятежной, уединенной. Но дарования от Бога я имел противоположные безмолвию. Находясь в таком настроении духа, я не желал оставить келлию и перейти в монастырь, даже искал более уединенной каливы². Но ученики

¹ Келлия святителя Иоанна Златоуста, принадлежавшая Иверскому монастырю, находилась недалеко от афонского центра — Кареи. Иеросхимонах Арсений был настоятелем (старцем) келлии в 1830-х годах.

² Калива — хижина. — *Примеч. ред.*

мои понуждали меня к тому¹, хотя и знали мою любовь к безмолвию. Да и монастырь со своей стороны, узнав мое желание, обещал мне в том не препятствовать, что впоследствии и исполнил. А потому из желания обеспечить будущее свое безмолвие я решился узнать волю Божию чрез моего старца и духовника, отца Арсения, идти в общежитие в Русик или нет. Он на это сказал нам так: «Поелику этот вопрос есть великой важности», то он советует не спешить

¹ Ученик старца Парфений, увидев «Русского монастыря общежительный чин», «не хотел изыти из обители, но возжелал пребывать в ней до смерти» (см.: *Парфений, инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле*. М., 1856. Ч. 2. С. 165–166).

решением его, «а потерпеть и помолиться о сем Богу». По сему совету мы ожидали духовникова ответа две недели, в продолжение которых он сделал два бдения о дознании воли Божией. Потом он, призвав нас, объявил нам такими словами: «Есть воля Божия перейти вам в Русик, ибо там хочет Бог нечто сотворити». Мы, принявши это решение как от Бога и поклонившись ему и взявши благословение, сотворили по его совету: немедля оставили келлию и перешли в Русик на всегдашнее жительство. Не теряя надежды на будущее мое уединение, я повторил старцам о моем желании со временем дать мне благословение на безмолвие. Они подтвердили свое обещание, сказавши так: «Ты собери братию русскую, благоустрой их,

а по временам можешь удаляться на безмолвие». Это впоследствии и было исполняемо: в первый раз я прожил год в доме близ кимитира (надгробницы), во второй раз все лето прожил на келлии Трех святителей, два лета прожил на келлии святого Георгия со старцем Тимофеем, три лета прожил на Бессребреницкой, три лета — на архимандричьей. Таким образом, хотя изредка, понемногу, я утолял алчбу и жажду мою к безмолвию, покамест переменились обстоятельства, которые указали мне искать безмолвия не внешнего и не своей пользы, а яже суть ближняго.

Этими словами старец Иероним заканчивает свою автобиографию. Мы же, Богу содействующу, дополним

и продолжим повествование о жизни его, насколько это позволят имеющиеся сведения. Но прежде остановимся на том, какое значение имел Афон для русского государства в разные времена¹.

Афонская духовная школа, принесенная преподобным Антонием в Киев, стала основанием русской традиции монашеского жития². Отличительной чертой святогорского опыта

¹ См.: Старцы-возобновители Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Ч. 1. Духовник Иероним. Гл. «Монашество и старчество на Руси». Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, 2014.

² Киево-Печерская лавра основана в 1051 году. — *Примеч. ред.*

является сфокусированное внимание на старчестве и послушании — главных условиях правильного благодатного подвижничества. Первоначальник русского монашества передал своим духовным потомкам в наследие отнюдь не пещерничество и не идиоритмический устав, как предполагают некоторые исследователи, а богодухновенное старчество как основу доброго общежительного монашеского устройства. Святой Антоний, собрав и организовав костяк будущего братства, благословляет ему игуменов, сам же занимает место старца, духовного руководителя, духовника, считая своей основной обязанностью духовное воспитание братии,

врачевание помыслов, приобщение к молитве.

В силу вышесказанного становится понятным, почему именно преподобный Антоний считается первоначальником монашества на Руси. Монастыри существовали здесь и до его прихода, но обители, возникшие в Киеве до преподобного Антония, являлись преимущественно патрональными, построенными на средства и по заказу князей и вельмож, где они или их сродники нередко доживали свой век. Такие монастыри хотя и могли являть некоторые примеры личных иноческих подвигов, однако ожидать, что они станут духовными монашескими центрами

с совершенной аскетической системой, было нельзя.

Святой Антоний — первый боговдохновенный вождь русского иночества, опытно стяжавший духовное ведение, искушенный во многих бранях, призванный свыше, а потому — имеющий возможность оказать помощь и другим искушаемым и не знающим пути духовного возрастания. Воспитанный в строгом общежитии Святой Афонской Горы (есть святогорское предание, а также и научное мнение историков, что преподобный Антоний принял постриг и подвизался в афонской обители Успения Пресвятой Богородицы, именуемой Ксилургу, — первом по времени местопребывании

русских на Афоне¹), преподобный Антоний перенес эту традицию на Русь.

Боговдохновенное старчество и руководимое им в духе взаимного послушания и братской любви общежитие Печерской обители стали солью Русской земли и притянули к обители многие души, ищущие спасения, поскольку являли через нее образ первохристианской апостольской общины. Именно по этому образцу

¹ См.: *Феодосий (Харитонов), иеросхим.* История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К Свету. М., 2000. Вып. 18. С. 21–22; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен до 1735 г. Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, 2015. С. 67–69.

формировалась духовная жизнь не одних только русских монастырей, но и епархий в целом, поскольку из числа насельников Печерской обители избирались ставленники на епископские кафедры в первые века православия на Руси.

Лавра преподобных Антония и Феодосия всегда воспринималась как латоросль или саженец, перенесенный на Русскую землю из Сада Пресвятой Богородицы. Именно поэтому территория монастыря издавна называлась, как и Святая Гора Афон, Уделом Божией Матери. Великую духовную значимость сего места засвидетельствовали многие чудесные события и обетования, данные Самой

Пресвятой Владычицей при построении в обители величественного собора в честь Ее Успения. Этот храм занял совершенно особое, можно сказать, центральное место в истории не только лавры, но и всего нашего Отечества.

Собор в киевском Уделе Пресвятой Богородицы был построен по повелению Самой Царицы Небесной, Которая чудесным образом направила церковных зодчих из Константинополя в Киев и показала им «на воздухе» образ будущего храма, сказав: «Приду Я и Сама видеть церковь и хочу в ней жить»¹. Пресвятая Богородица

¹ Киево-Печерский патерик / Пер. Е. Поселянина. М., 1900. С. 158.

указала им и строительную меру для возведения святого храма: «В меру послала Я пояс Сына Моего по Его повелению»¹.

После таких великих знаменій Успенскій собор приобретает величайшее значеніе для Русской земли. Он становится главным собором Руси, собором по преимуществу, общерусской святыней — ведь ни один другой отечественный храм не именуется так, как он: «святая боголепная небеси подобная Богородичная церковь во святой великой чудотворной Лавре преподобных и богоносных отцов наших Антонія и Феодосія

¹ Киево-Печерскій патерик. С. 158.

Печерских, которая есть Архимандрия всей Российской земли»¹. Это наименование можно символически понимать и в смысле особой области, избранной из всей Русской земли в достояние или удел Богоматери как место особого Ее пребывания, — место, где находится Ее кафедра или престол, откуда Она осуществляет Свою апостольскую миссию в Русской земле. В традициях

¹ Киево-Печерский патерик. С. 163. В некоторых изданиях употребляется слово «архимандрития» (см.: Киево-Печерский патерик по древним рукописям. Киев, 1893. С. 56; Старцы-возобновители Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Духовник Иероним. С. 31).

Владимирской и Московской Руси этому комплексному понятию соответствует более простая форма: Дом Пресвятой Богородицы.

Значение Успенского храма было настолько символично и священо, что с постепенным перемещением центра русской цивилизации на северо-восток в основных административных центрах возводились точные или несколько увеличенные его копии. Например, такие же соборы были воздвигнуты в Ростове и Суздале. Трудно согласиться с тем, что это случайность или просто дань традиции. Ведь построение копий Успенского собора в названных городах существенно повлияло на развитие и распространение

там воззрения на землю Русскую как на удел Пресвятой Богородицы. Наиболее знаменитые из них — Успенские соборы Владимира и Московского Кремля, которые, как и Печерская церковь, получили наименование Дома Пресвятой Богородицы.

Владимирский Успенский собор на Клязьме, построенный благоверным князем-страстотерпцем Андреем Боголюбским († 1174), стал главным собором Северо-Восточной Руси. Русская земля в условиях постепенной гибели своей государственности по причине междоусобной княжеской смуты и надвигающегося монгольского ига благодаря смелой инициативе и пророческому взгляду в будущее

благоверного князя Андрея Боголюбского осознала себя взятой в удел и в особое попечительство Божией Матери. Раздираемая на лоскутки княжеской удельной междоусобицей, она тем не менее оставалась единой, будучи уделом и даже более того — Домом Пресвятой Богородицы. Вся Русь воспринималась как единый Дом Пресвятой Богородицы.

Отнюдь не географически и экономически выгодное положение Москвы послужило главной причиной последующего ее возвышения, а перенесение туда общерусской святыни — Дома Пресвятой Богородицы, возведение собора в честь Ее Успения. Вот что пророчески сказал святой

митрополит Петр князю Московскому Иоанну Калите, который принял с радостью «слова от учителя»: «Если, сын, меня послушаешь и храм Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и прославятся сыны и внуки твои, и город этот славен будет среди всех городов русских, и святители станут жить в нем, и взойдут руки его на плеча врагов его, да и кости мои в нем положены будут»¹. Тем самым великий святитель, как сказано в акафисте ему,

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1912. Ч. 2. С. 28; см. также: *Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский.* История Русской Церкви. Т. 4. Кн. 1. СПб., 1866. С. 20.

положил «царствию Российскому основание крепкое».

Подобную мысль высказывают и исследователи церковные и светские, рассматривающие историю в контексте Промысла Божия. Так, В. О. Ключевский пишет: «...в московском князе северная Русь привыкла видеть старшего сына Русской Церкви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха, а Москву считать городом... с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего православно-русского народа. Такое значение приобрел к половине XV в. удельный москворецкий князек, который полтора столетия назад выступал мелким

хищником, из-за угла подстерегавшим своих соседей!»¹

Успенский Кремлевский собор становится не просто «митрополи-
чим» столичным храмом, но символом, объединяющим Русь. Князья, входившие в «московский союз князей», «стоя за Православие, забыли наследственную вражду»². Великие князья Московские, осознав себя хранителями Дома Пресвятой Богородицы, стали осуществлять свое служение как «собиратели Земли русской, старшие сыны митрополитов, служки

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. С. 31.

² Там же. С. 141.

Божией Матери, оберегающие земной Ее удел». «Сто лет понадобилось роду Калиты, то есть Московским князьям, для собирания раздробленной Руси... Московские князья, и в особенности Иоанн III, объединили Русь, объявив себя хранителями и покровителями Православия, строителями Дома Пресвятой Богородицы», — замечают составители книги «Духовник Иероним»¹.

Глядя на величественные здания Великой Печерской церкви, Успенского собора во Владимире, Успенского

¹ Старцы-возобновители Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Духовник Иероним. С. 32.

собора Московского Кремля и сравнивая их с маленьким соборным Успенским храмом обители Ксилургу, с трудом усматриваешь их связь. Однако существует несомненная мистическая взаимосвязь перечисленных храмов-символов с древним ксилургийским храмом, имеющим особое символическое значение для русского монашества, о котором свидетельствуют такие факты святогорской истории.

В более просторной обители Фессалоникийца (Старый Нагорный Русик), куда русская братия переселилась в 1169 году при игумене Лаврентии, также был Успенский храм. А по прошествии более шести столетий, в начале XIX века, при игумене Савве, когда

будет возведен новый, так называемый Прибрежный, Русик, церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы будет освящена и там.

Так чем же памятен этот храм для русского монашества, находящегося как на Святой Горе, так и в Отечестве? Тем, что именно в нем зажглась первая русская лампада на Афоне; тем, что у алтаря этого собора принес иноческие обеты первоначальник русского монашества преподобный Антоний; тем, что именно отсюда он принял и перенес благословение Святой Афонской Горы на Русскую землю и таким образом навеки соединил Святую Русь и Святой Афон узами духовной благодатной

преемственности. Успенский собор обители Ксилургу — символическое звено в этой нерушимой благодатной цепи и некий «первообраз» великих Успенских соборов Руси. Не случайно, что и первая деревянная церковь Печерской обители, построенная вначале по благословению преподобного Антония, была освящена в честь Успения Пресвятой Богородицы. Глубокое значение такого посвящения ясно подтверждают дальнейшие великие чудесные события и знаменательные явления Божией Матери.

Подвижничество Антония и Феодосия Печерских продолжили их последователи, вдохновленные примером

аскетической жизни родоначальников русского иноческого жития и удивительными благодатными плодами, приобретенными ими в процессе духовного делания. Желание уподобиться в делании своим духовным наставникам и достичь их высокого состояния чистоты и святости стало главным стимулом для русских монахов того времени.

Были на Руси в этот период, называемый «домонгольским», и другие светочи иноческого благочестия: преподобный Авраамий Ростовский; преподобный Аркадий Новоторжский, Вяземский; святитель Сильвестр, епископ Переяславский; преподобный Антоний Римлянин,

Новгородский; преподобный Мартин Туровский, блаженный; святые жены-монахини: преподобная Анна, княжна Киевская, преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая. Все они были яркими самобытными личностями, каждый явил в своей жизни идеал самоотречения во имя Христова и пример самораспятия на кресте борьбы с врагами монаха — миром, плотью и дьяволом.

Однако в большинстве своем эти яркие личности не оставили после себя, кроме примера собственного подвига, никакой духовной школы или традиции в преемственности передачи опыта монашеской жизни, в отличие от подвигоположников

Киево-Печерской лавры. Это объяснимо: они и сами достигли высот духа не вследствие обучения аскезе у духовных наставников, но благодаря личному горению любви ко Христу и предельному накалу духовного подвига. Для новоначальных иноков, не имеющих еще такой великой благодатной ревности о стяжании совершенства, но также желающих идти узким путем иноческого жития, необходимо руководство или школа правильного духовного развития, что невозможно без богодухновенного старчества.

Значение старчества для истинной монашеской жизни настолько велико, что преподобные отцы отождест-

вляли отношения учеников к духовному отцу с отношением апостолов ко Христу: «Путь, егоже шествуеши, апостольский е, и якоже они благоговеинство имяху к Господу нашему Иисусу Христу, тако бо и мы къждо к своему отцу должны есмы имети, единою своего хотения отрекшися, якоже то Сам Господь нас научи, снисдох с небесе, рече: “Не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца” (Ин. 6, 38)»¹. На святоотеческие слова опирается отец Иероним, когда наставляет свою братию:

¹ Монаха Григория житие преподобного Ромила // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1900. Вып. 136. С. 28.

«Отцам и братьям в строгую обязанность поставляется, чтобы твердо и неизменно хранить старчество, ибо старчество установлено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. И оно есть основание нашего монашеского жития»¹.

Монастыри, созданные в традиции Киево-Печерской обители, стали духовными центрами тех земель, где находились: они несли местным жителям духовное просвещение, приобщали их к практике высокой духовной

¹ Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012. С. 177.

жизни, показывали пример подвижничества во Христе. Русский народ принял монастыри как нечто благое, ниспосланное свыше, полюбил их и потянулся в их стены за научением и благодатью. Идея «свет мирянам — монахи, свет монахам — Ангелы» обрела свою реальность на Руси, которой еще предстояло стяжать звание Святой.

А между тем Русь все более и более погрязала в междоусобных войнах, результатом чего стало грозное пощещение Божие — монголо-татарское иго. Огнем и мечом испепелило и изрезало Батыево нашествие Русскую землю на мелкие местечки и мирки. Политическая княжеская раздробленность

усугубилась теперь рассеянностью культурной и духовной.

Вновь в русском монашестве возросла роль личного подвижничества. Святые угодники Божии, способные своей жизнью показать пример силы подвига и высоты стяжаемых этим подвигом благодатных даров, не оскудели на Руси. Но не было в то смутное время более школы монашеской жизни, подобной той, что существовала некогда в Киево-Печерской обители, которую орда Батыева разорила и разгромила, перебив и рассеяв ее иноков¹.

¹ Обитель была разорена Батыем в 1240 году. — *Примеч. ред.*

Не было более преемственности передаваемой из поколения в поколение старческой благодати. Вплоть до начала XIV века мы не увидим светочей старчества, способных воспитать целые сонмы святых.

Новым столпом иноческого благочестия и примером для многих поколений подвижников стал преподобный Сергей Радонежский. Господь явил его миру в тот момент, когда великая Киевская Русь уже распалась на удельные княжества и Владимиро-Суздальская Русь уже уступила первенство в духовно-политических сторонах жизни Москве.

Преподобный Сергей был именно таким «чистым аскетом», не ставив-

шим перед собой иных целей, кроме обретения Христа Единого, ради Которого он готов был переносить все тяготы и лишения пустынножизни, которых не выдержал даже его старший брат Стефан, удалившийся из их совместной келлии в дебрях радонежских лесов в обустроенный городской монастырь. Преподобный Сергий сделал то же самое в Северо-Восточной Руси, что и преподобный Антоний в Южной. Он не столько вознес монашество на новую высоту, сколько возобновил старую, угасшую из-за внешних неблагоприятных обстоятельств подвижническую традицию. Почти сто лет отделяет начало Сергиевой обители от падения оби-

тели Антониевой при Батыевом нашествии.

Оставшись один на один с Богом в лесу, смиренной молитвой преодолев многочисленные искушения от врага-диавола, Сергей приобрел такие качества души, которые уже не могли оставаться «туне» и были промыслительно явлены Господом миру: вокруг подвижника стали собираться ученики. Приняв на себя ярмо игуменства, преподобный Сергей установил в своем братстве строгое общежитие — кинвию, — которое, как в древних восточных монастырях, как на Святой Горе Афонской, как и в Великой Киево-Печерской обители и других местах, зарекомендовало себя наиболее

эффективной формой организации жизни монашеской общины.

Во всех житиях преподобного Радонежского игумена говорится о том, каким образом и при каких обстоятельствах в Свято-Троицкой обители было введено «для высшего духовного преуспеяния учеников Сергиевых»¹ общежитие и какие великие духовные плоды это принесло. Константинопольский патриарх Филофей Коккин² —

¹ Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / Сост. архим. Никон (Рождественский). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1904. С. 125.

² В описываемый период Русская Церковь находилась в юрисдикции Константинопольского Патриархата, митрополиты на Русскую

афонский подвижник, исихаст, последователь и духовный преемник святителя Григория Паламы, много потрудившийся над выработкой уставного единообразия в богослужении Православной Церкви, — прислал преподобному Сергию грамоту, в которой советовал установить в обители общежительные правила¹. И так по совету патриарха Филофея и с благословения

митрополю поставлялись в Константинополе. Святитель Алексей был поставлен в митрополиты патриархом Филофеем Коккином.

¹ См.: Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия... С. 126–133; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и похвальное слово ему, написанное учеником его Епифанием Премудрым. СПб., 1885. С. 106–109.

единомысленного ему святителя Московского митрополита Алексия в Троицкой обители учреждается общежитие по святогорскому образцу, в ней возобновляется старческое преемство. Обитель укрепляется и переживает духовный расцвет, а преподобный Сергий, выполнив послушание патриарху и митрополиту, становится уже не только представителем личного подвижничества, а тем великим аввою, игуменом земли Русской, каким он является ныне, каким знает и почитает его вот уже 700 лет вся Святая Русь. И как при основании Киево-Печерской лавры, в которой процвело первое русское старчество, так и при возобновлении старчества преподобным Сергием

не обошлось без благословения Святой Афонской Горы, как замечают составители книги «Духовник Иероним»¹.

Троице-Сергиев монастырь становится тем, чем была доселе обитель Киево-Печерская, — центром духовности и рассадником монастырской общежительной святогорской традиции. Как от Киево-Печерской обители, так и от Сергиевой обители произошли дочерние монастыри. Видение, в котором преподобному были показаны в виде бесчисленных белых птиц будущие ученики его, реализовалось

¹ См.: Старцы-возобновители Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Духовник Иероним. С. 35.

в течение следующих десятилетий: множество подражателей его подвижнического жития и сами стяжали благодать Божию, и воздвигли много обителей, прославившихся святым житием своих насельников.

Эти новые монастыри северной традиции были не только бастионами православия и центрами духовной жизни, но и центрами культурного и хозяйственного возрождения Руси. Правильно организованные, гармонично-стройные, смиренномудро управляемые монашеские братства активизировали восстановление и дальнейшее развитие духовной, культурной и хозяйственной жизни окрестного населения. Общежительное монашество

по афонскому почину скрепляет, сплачивает, организовывает народ, дает толчок к выходу из кризиса и возрождению Русской земли, по замыслу великого русского святителя митрополита Алексия.

Церковь и монашество были не крупнейшими феодалами средневековой Руси, как утверждает светская история, а инициаторами собирания и возрождения страны. Землевладение — это вынужденная особенность русского монашества и русской Церкви, продиктованная не стремлением к накоплению, а желанием спасти Русь и русский народ от рассеяния, ассимиляции в иноверной среде и физического уничтожения.

Это прекрасно понимали горе-реформаторы всех веков, от «жидовствующих» и «латинствующих» до большевиков, которые сознательно стремились устранить Церковь и монашество от влияния на русское общество, чтобы насадить чуждые для православной Руси модели развития. Отделить Церковь от земли в Средние века означало то же самое, что в XX веке отделить ее от школы и государства. Это попытка вбить клин в русскую симфонию церковно-государственного домостроения. Потому что Церковь и, в частности, монастыри организовывали общество, вдохновляли его своим собственным примером общинной братской жизни

для общего блага и задавали тон всей деятельности общества (духовной, трудовой и культурной). Основанием этого тона были не личная корысть, прибыль и нажива, как на Западе, а христианская любовь, братская взаимопомощь, творческая инициатива (как выражение богоподобной способности творить). Уже в XVI веке реформаторы стремились «перераспределить собственность», отобрали у монастырей земли.

Смута, польская интервенция, раскол и введенные Петром I реформы церковной жизни, обернувшиеся синодально-государственным давлением на монастыри, обескровили русское монашество, пошатнули иноческую

жизнь в России. О старчестве в тот период и речи не было, так как даже само существование русского монашества было под вопросом.

Реформирование Петром I структуры Российского государства определило место Церкви в этой структуре в качестве некоего «министерства по делам религии». Началась неслыханная секуляризация церковных имений за счет упразднения монастырей — бастионов русского православия. Особый удар был нанесен именно по монашеству, а точнее — по его влиянию на русское общество. Были введены ограничения на пополнение монашеских братств. Разрешалось постригать только вдовых и заштатных

священников, увечных солдат, отставных чиновников и учителей. Категорически, под страхом наказания, запрещалось принимать молодежь. Монашеству фактически запрещалось исполнять просветительскую миссию среди православного народа.

Поставленные Духовным регламентом в зависимое положение от синодального и светского чиновничества, монастыри потерпели принципиальное изменение основных укладов внутренней своей жизни, приведшее в конечном итоге к быстрой деградациии общежития и исчезновению старчества. Настоятели монастырей из духовных пастырей и отцов превратились теперь

в чиновников-администраторов, которых «передвигали» с места на место с разницей во времени менее даже четырех лет. Настоятелями были не опытные подвижники, с ранних лет воспитывавшиеся в стенах обителей и впитавшие опытом их дух и традиции, но овдовевшие приходские священники, отправленные в монастыри «на покой». Монастыри в результате этих реформ становились теперь не столько училищами нравственности и благочестия, сколько пансионатами для стариков и инвалидов.

Действия царственных преемниц Петра I, особенно Анны Иоанновны и Екатерины II, и вовсе ослабили российские монастыри до такой степени,

что жизнь русского монашества в еще не закрытых «штатных» и «заштатных» монастырях являла собой жалкое зрелище как в плане экономическом, так и в духовно-нравственном. Казалось, что закат монашеской жизни в России неизбежен.

И вновь Матерь Божия со Святой Горы Афон присылает спасительную помощь в лице старца Паисия Величковского и его учеников и последователей, возродивших в русском монашестве то, что с древнейших времен было в Фивейской пустыне и палестинских обителях, на земле благословенной Эллады и в древних русских монастырях Антониевой и Сергиевой традиций, что составляло основу

устроения монастырской жизни, — общежитие, старчество и послушание. О преподобном Паисии написано много. Заслугу его для православного монашества России, Молдавии, Румынии, других славянских народов невозможно переоценить.

Нужно сказать здесь и о том, что состояние русского святогорского иночества зависело от положения дел в Отечестве.

Антимонастырская политика императора Петра — один из главных факторов угасания и пресечения русского монашества на Святой Горе в XVIII веке. В течение 70 лет в Свято-Пантелеимонов монастырь не поступило ни одного нового насельника из России,

несмотря на отчаянные призывы игумена Варлаама спасти угасающую обитель. В 1721 году перестало биться его боголюбивое сердце. В 1725-м, в год смерти Петра I, в Русике остается только четыре монаха, русских же из них только двое. В 1735 году начинается очередная русско-турецкая война, продолжавшаяся до 1739 года, и в этом же году умирает последний русский монах Свято-Пантелеимоновой обители. Русское монашество пресеклось на Святой Горе. Некогда русская, обитель стала теперь недоступна для русских.

Поселившись на Святой Горе¹, старец Паисий стремился найти опытного

¹ В 1746 году. — *Примеч. ред.*

в духовной жизни наставника, но так и не обрел искомого. Духовная жизнь в монастырях была расстроена по причине внедрившегося повсюду так называемого идиоритма, или особножительного устава.

Идиоритм — образ жизни, не такой строгий по сравнению с киновией. В обителях-идиоритмах, или своеобразных, не всё общее, и каждый монах, за исключением участия в уставных церковных богослужениях, живет по своему собственному распорядку, предоставленный самому себе больше, нежели в киновии, и исполняет необходимые для функционирования монастыря должности за определенную плату. При таком образе жизни

инок имеет больше соблазна впасть в своеволие.

Переход к идиоритмическому уставу был вынужденной мерой. С конца XVII века турецкие власти увеличили налоги, взимаемые со Святой Горы, настолько, что обитатели едва влачили существование. Средств на содержание братств не оставалось вовсе. Именно поэтому некоторые монастыри допустили ослабление устава, предоставив насельникам возможность самим содержать себя за счет рукоделий, которые нужно было продать и на вырученные деньги купить необходимое. Мера эта внешне хотя и была оправданной, но оказалась губительной, привела к снижению духовности,

потому что способствовала жизни по своей самости и отходу от правильного духовного руководства в соответствии со Священным Писанием и Священным Преданием.

Представление о послушании было искажено и не имелось возможности продолжить преемственность старческого служения, некому было передавать живой благодатный опыт возрастания и совершенствования во Христе. В эти трудные годы едва ли не единственной обителью, свято хранившей, несмотря ни на какие трудности, общежитие, старчество и послушание, был Русский монастырь, но, как мы уже говорили выше, по причине отсутствия пополнения из Отечества он

угас и перешел во владение к грекам, которые сразу, впервые за 600 лет, изменили общежительный устав на идиоритмический, что привело к упадку, оскудению и запустению Русского монастыря — Старого Русика. (По прошествии многих лет, в 1803 году, общежитие в Русике будет восстановлено грамотой Константинопольского патриарха Каллиника, этой же грамотой игуменом обители будет назначен иеромонах Савва. Святоотеческие традиции монашеского общежития начнут возрождаться в Пантелеимоновом монастыре — в Новом Прибрежном Русике.)

Старчество угасло в монастырях Афона того времени, но не исчезло

совершенно со Святой Горы, ибо тогда она прекратила бы свое существование. В эту пору, как *крин сельный*, по словам Священного Писания, процвели пустынные келлии Афона, в которых спасались и несли свой монашеский подвиг, словно на часовой вахте, старцы с немногочисленными верными учениками в духе святоотеческого предания. Эти ученики со временем, когда сами стали старцами, были призваны в те или иные монастыри, чтобы восстановить монашескую традицию общежительной жизни.

Одним из таких старцев был отец Арсений, стоявший тогда во главе всех немногочисленных русских монахов, рассеянных по разным местам Святой

Горы. К этому старцу и привел Господь отца Иеронима, бывшего еще в мирском звании.

Двадцать пять лет прошло с того времени, когда пятилетний отрок Иоанн Соломенцов возжелал стать монахом, и пять лет с момента выхода из родительского дома с котомкой за плечами в поисках монастыря, в котором сможет обрести он вожденное безмолвие и радость молитвенного пребывания в Боге. Не прошли впустую эти годы исканий, терпения и молитвы для будущего светила афонского подвижничества: тридцатилетним мирянином вступил он на Афонскую землю, но дух его уже был духом зрелого монаха-подвижника, что сразу же

прозрел великий авва Арсений, который и постриг вскоре Иоанна в своей келлии святителя Иоанна с именем Иоанникий.

Старец Арсений, видя духовные дарования отца Иоанникия и ведая высокое предназначение, отведенное ему Промыслом Божиим, поначалу благословил его на некоторое время на безмолвное житие в уединенной келлии, для того чтобы новопостриженный отец Иоанникий смог успокоить свою душу, умиротвориться, сосредоточиться и наслаждаться безмолвием, к которому он так стремился всю жизнь, и это пустынное «внешнее» безмолвие вскоре должно было для него замениться

духовническим служением многим братьям-инокам.

Истомившаяся духовной жаждой душа монаха Иоанникия погрузилась в такую углубленную, нерассеянную молитву, которую может дать только поистине безмолвное житие. Опыт сердечного обращения к Спасителю, обретенный им еще во время брани духовной посреди мира, стал для него здесь, в афонской пустыне, хлебом насущным, который он с алчбой и жаждой вкушал день и ночь, и, по неложному обетованию Господню, был насыщаем благодатью, укрепляем неведомыми нам утешениями и посещениями.

За совершенное послушание, безграничное доверие духовнику и ис-

ключительное самоотвержение монах Иоанникий пользовался особым доверием и любовью старца Арсения. Видя в нем сосуд избранный, испытанный и закаленный, чистый и вполне способный вместить высокое духовное научение, отец Арсений сделал его своим сотаинником в умном делании и руководил им в прохождении обучения молитве Иисусовой.

Получая великую пользу от своего старца, монах Иоанникий, преданный и верный его ученик, не считал нужным искать себе других советников, наставников и руководителей. От беседований с другими монахами он всячески уклонялся, был всегда настолько самоуглублен, внимателен

и благоговеен, что вскоре всем знающим его стало заметно его духовное преуспеяние, и о нем заговорили как об особом ученике духовника Арсения.

А вскоре отец Арсений благословил его и самому принять к себе учеников. Отец Иоанникий стал им за старца, а отец Арсений — общим руководителем и духовником, как и всем прочим русским инокам Святой Горы. Сделал это отец Арсений с великим разумением и мудрым расчетом, устраивая таким образом для отца Иоанникия как переход от пустынножительства к общежитию, так и от послушничества к наставничеству. Но даже после того, как отец Иоанникий за послушание

старцу Арсению принял на себя старческие обязанности, в душе он все равно оставался смиренным учеником своего духовного наставника до самой его блаженной кончины.

Таким образом, за четыре года пустынной жизни на келлии под руководством великого старца он укрепился в благодати для сложного и трудного послушания по возрождению Русского Афона. В уединении своем он стяжал непрестанную внутреннюю молитву, прочную и нерассеянную, что давало ему возможность и среди многочисленного братства, на многопопечительной должности быть в сердце своем с Богом, чтобы творить не свою волю, но волю Божию,

находясь уже без старца — своего руководителя.

И вот отец Арсений благословляет монаха Иоанникия на духовничество в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Вселение отца Иоанникия в обитель совершилось в 1840 году. Его духовничество начиналось в весьма сложных обстоятельствах: нищета и долги монастыря, настороженность греческой братии, еще помнящей запугивание их авторитетом русского князя-монаха Аникиты (Ширинского-Шихматова) со стороны неразумных русских келлиотов, которые пришли на жительство в обитель с отцом Аникитой по приглашению греков в 1835 году; необходимость устройства

строгого общежития среди бывших скитников и келлиотов из русских, которые привыкли к большой самостоятельности в решении бытовых вопросов.

Кроме того, нужно было налаживать стройное уставное богослужение в выделенном для русских храме, кормить, поить и одевать собравшееся вкупе братство и, самое сложное, находить подход к каждой доверившейся ему монашеской душе, чтобы вести ее верным путем по ступеням духовного развития. Задачи перед новым русским старцем стояли на грани возможности их разрешения.

Но невозможная у человек возможна суть у Бога (Лк. 18, 27). И отец

Иоанникий, прекрасно понимая, сколь сложно послушание, принятое от рук старца Арсения, все свое упование возлагает на Господа и на Игумению Горы Афонской — Пречистую Владычицу Богородицу. Его внутренняя духовная жизнь, его молитва и духовная сосредоточенность достигают новой высоты. И потому неслучайно, несмотря на гнетущую нищету монастыря, число русских иноков с того времени начинает быстро увеличиваться. В обитель шли ради старца, видя святость его жизни, желая стать подобными ему в христианских добродетелях; шли, чтобы влиться в монашескую семью, возглавляемую богоподобным в любви духовником.

В 1841 году на первой неделе Великого поста отец Иоанникий был пострижен игуменом Герасимом в великий ангельский образ — схиму. Поистине пророческий дух отца Герасима точно подобрал ему новое имя — в соответствии с тем значением, которое приобретет оно для всех будущих поколений русских иноков на Афоне. Его постригли с именем Иероним, что означает «священноименный». Таковым было отныне имя великого старца, и оно стало достоянием вечности, будучи написанным тростью Духа Святого на скрижалях сердец всех последующих поколений насельников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря.

Первой задачей, которую поставил перед собою новый духовник русской братии, было сохранение духа обители, ее традиций, заложенных еще приснопамятным игуменом Саввой и поддерживаемых его преемником игуменом Герасимом с его ближайшими помощниками. Эти традиции монастырской жизни Русика стояли на строгом общежитии, которое давало возможность игумену строить богослужebную, бытовую и духовную жизнь братии в соответствии с обычаями, сложившимися еще в древних восточных монастырях и зарекомендовавшими себя единственно правильными для духовно благополучной жизни братии. Тем более что рядом,

во многих афонских монастырях, был налицо пример развала и деградации монашеской жизни в братствах, перешедших с киновиального на идиоритмический образ жизни.

Сохранить киновиальный строй в монастыре, в который влилась иноплеменная братия, привыкшая к более независимому — скитскому и келлиотскому образу жизни, с другой национальной культурой, складом характеров, другим опытом аскетической практики, было делом не из простых. На счастье отца Герасима, новый русский духовник оказался приверженцем такой же строгой киновии и древних святоотеческих принципов устройства монастырской жизни,

полным единомышленником отца игумена, вдобавок хорошо владевшим греческим языком. Игумен Герасим обрел в отце Иерониме усердного и опытного помощника в управлении разноплеменной братией, для которого им обоим требовалось много умения, богомудрого рассуждения и благого терпения.

«Господи! Пусть только я один погибну, а все спасутся!» — этот молитвенный крик братской любви не раз в истории христианства вырывался из уст святых угодников Божиих. Вся жизнь старца Иеронима в Русском Пантелеимоновом монастыре свидетельствует об обретении именно такой жертвенной высоты духа. Ибо уже

в начале пути, еще только услышав от старца Арсения извещение воли Божией об оставлении им возлюбленного безмолвия и переходе в многолюдный монастырь в качестве братского духовника, когда его душа плакала от расставания с тем мирным благодатным состоянием духа, тем молитвенным богообщением в тишине ума и келлии, он со смирением, «якоже агнец непорочный ведомый на заклание», принял это послушание от Бога, данное ему через духовного отца.

Старец Арсений прекрасно понимал, какую жертву принесет келлиот Иоанникий, согласившись на духовничество в Русике. Хорошо зная состояние души своего любимого

духовного чада, соединенность этой души с Богом и благодатные утешения, ниспосылаемые Духом Святым усердному молитвеннику Иоанникию, осознавая, что обязанности духовника монастырской братии отнимут у него и время, и возможность заниматься умным деланием, приносящим эти утешения Духа, старец Арсений ответил посланным из Пантелеимонова монастыря братьям, просившим Иоанникия себе в духовники: «Это великого стоит: отца Иоанникия с учениками потревожить. Они живут спокойно, в безмолвии и мире...»

Эти безмолвие и мир, тишину келлии и радость благодатных утешений

принес в жертву братской любви смиренный подвижник и аскет Иоанникий, восходя на Голгофу духовнического служения. И Господь, милующий и награждающий любящих Его, даровал Своему верному служителю неизмеримо больше благодатных утешений и вечную славу в потомках, благоговейно произносящих его имя — старец Иероним.

От юности у него было влечение к безмолвию, однако дарованные от Бога способности он имел противоположенные, как он сам говорил, располагающие его к обширной внешней деятельности. Вот и избрал его Господь ради большей славы Своей послужить спасению многих и искать

безмолвия не внешнего и не своей пользы, а яже суть ближнего.

Вскоре отец Иероним и сам убедился на опыте, что его собственное спасение и усовершенствование души находятся в искании пользы для других, а не для себя. Об этом ему всегда свидетельствовала добрая совесть, когда в награду за попечение о ближних он получал разные духовные удовольствия и утешения в самом себе, как сам он свидетельствовал. Он находил подтверждение и в Священном Писании, что начальствующим ниспосылаются от Бога особые дарования, если живут по совести, как рабу доброму и верному, который все свои десять талантов пустил в оборот, а не

скрыл их в своем уединении. Так вся его жизнь с тех пор до самых последних дней была посвящена служению ближним.

С приходом в Русский Пантелеимонов монастырь отца Иоанникия в качестве духовника русской части братии возникла нетипичная для афонских монастырей ситуация: игуменом всей обители и духовником греческой братии был старец Герасим, а духовником русской братии и, вследствие выделения ей некоторой автономии, административным руководителем ее становился отец Иоанникий. Выстроить духовно верные, направленные на Христово единение в духе отношения отца Иоанникия

с игуменом Герасимом, русской части монастырского братства с греческой его частью было задачей крайне непростой, даже только потому, что опыт сожителства русских монахов в одних монастырских стенах с иноплеменной братией, имевшийся некогда в древности в обители Ксилургу и впоследствии в Нагорном Русике, был уже давно забыт и, соответственно, не мог быть использован.

Отцу Иоанникию, вскоре ставшему Иеронимом, предстояло выстраивать все заново, «с чистого листа». И он справился с этой задачей блестяще, правильнее было бы сказать, Дух Божий сотворил руками старца Иеронима поистине «нечто дивное», о чем

пророчески предсказал ранее старец Арсений, благословляя любимого ученика на переход в Русский монастырь.

Мудрый игумен Герасим, всячески содействуя возвращению русских в Русскую обитель святого великомученика Пантелеимона, понимал, что такая огромная страна, как Россия, в которой живет много искренне верующих, благочестивых и добросердечных христиан, не оставит без помощи обитель своих соплеменников, если они своей духовной жизнью будут являть для живущих в России пример подлинной монашеской подвижнической жизни. Поэтому он старался и свою греческую братию растить в строгом общежительном духе

и хотел, чтобы и пришедшие в монастырь русские иноки прониклись этим духом, встроились в общежительную аскетическую жизнь обители и тоже представляли собой для всего мира и для России в частности тот образ монахов, о котором сказано древними: «Свет мирянам — монахи, а свет монахам — Ангелы».

Старец Иероним также понимал, что для того, чтобы пользоваться любовью и благорасположением паломников и благодетелей из России, обитель должна представлять собой некое ценное духовное явление, которое может духовно обогатить каждого соприкоснувшегося с ним, как побывавшего непосредственно в самом Русике, так

и вступившего с монастырем в общение опосредованно — через его святыни, рассказы о нем паломников или чтение издаваемых монастырем духовно-нравственных книг.

Свою задачу старец Иероним видел не только в том, чтобы руководить непосредственно братию ко спасению, вести ее путем святоотеческой монашеской традиции Святой Горы, но и в том, чтобы все то духовно ценное и значимое для мира, что рождалось в обители в процессе развития монашеской жизни в ней, раскрыть и донести до русских людей в России и тем самым подвигнуть их на жертвенную помощь нуждающейся братии и открыть путь новым русским инокам,

могущим возжелать прийти из России спастись на Святую Гору.

И эта задача была успешно выполнена. В 1841 году отец Иероним обратился за помощью к соотечественникам. На родину стали посылаться иноки по сбору милостыни, началась переписка, на Святую Гору потянулись паломники. Они пленялись внутренним благоустройством Пантелеимонова монастыря, а более всего душеспасительной беседой и богомудрыми словами его духовника — отца Иеронима, много жертвовали ему на пользу святой обители, часто сами в ней оставались и оканчивали в подвигах иноческих земную жизнь. Одним из таких паломников

был Михаил Иванович Сушкин из рода богатых тульских купцов, прибывший на Афон в 1851 году, — будущий игумен Русика схиархимандрит Макарий. Возвращаясь на родину, посетители Афона везли с собой свои впечатления, и таким образом уже с 1840-х годов стало сказываться влияние обители на Россию.

В 1845 году Афон посетил великий князь Константин Николаевич. Это посещение считается значимым не только потому, что оно возвысило авторитет монастыря среди греков, а потому еще, что обратило внимание на обитель наших соотечественников в России. Императорский Дом проявил самое живое участие в судьбе

русской братии на Афоне. Высочайшее внимание способствовало возобновлению регулярного паломничества, потекли пожертвования благодетелей. Благодетели были из разных сословий и со всех концов России. На милостыню, поданную ими, удалось начать выплату старых долгов, построить Покровский собор с корпусом братских келлий и даже приступить к издательской деятельности.

Обильный поток благодатных исцелений и духовной радости, явленных от святых мощей угодника Божия Пантелеимона во время пребывания афонских святынь в России, послужил как бы новым звеном невидимой связи благословенного

царства Российского со святым Афоном и засвидетельствовал о Русском монастыре как о месте особого благодатного покровительства Господа и Пречистой Его Матери над подвижающимися там русскими монахами. Российское общество всколыхнулось интересом к обители святого Пантелеимона. Множество лиц купеческого звания захотели лично принять благословение и получить отеческое наставление из уст русского духовника Иеронима — также выходца из купеческого сословия, слава о высоте духовной жизни которого и благодатном божественном даре рассуждения все более широко стала извещаться по всей Русской земле.

У отца Иеронима был особый дар от Бога воздействовать на людей, покорять и подчинять их себе в духе любви, и это давало ему возможность расположить к себе и установить деловые связи с деятельными людьми, собрать вокруг себя даровитых помощников в управлении обителью, развивая их способности в нужном направлении для служения Церкви. Первым из таких был отец Макарий, который из верного помощника своего отца в торговле сделался старцем-игуменом с необыкновенными административными способностями в сочетании с духовным рассуждением.

Собирая и осваивая утраченные некогда земли, возобновляя старые,

полуразрушенные келлии, старец Иероним не просто заботился о восстановлении хозяйства, но был воодушевлен более высокой идеей. По его замыслу все иноки, живущие в келлиях и скитах, принадлежащих обители, должны были быть членами сплоченной духовной семьи, а не разрозненными и неоднородными по духовному состоянию иноческими общежитиями и отшельничающими одиночками.

Он представлял себе монастырь как единый организм, с четкой структурой, каждый член которого свободно, а не принужденно подчинен игумену и воодушевлен общей целью. Также и восстанавливаемые келлии

и скиты он видел входящими в эту структуру, безусловно подконтрольными и подчиненными монастырю и получающими наравне с насельниками самой обители как материальное содержание, так и — в первую очередь — пищу духовную.

Свой замысел отец Иероним воплотил в жизнь и передал таковое устройство обители своим преемникам как принципиально важное и необходимое условие для существования здоровой духовной атмосферы в монастыре и родственных с ним русских монашеских общежитиях. И действительно, после него ни один из скитов, ни одна из келлий, принадлежащих Русику, в отличие от общепринятой

на Афоне практики, не сдавались по договору (омологии) в аренду стороннему «пользователю», но всегда оставались неотъемлемой частью или единицей общемонастырской структуры и имели свое функциональное значение.

Такое положение было закреплено юридически: в официальных документах все скиты и келлии значатся как метохи и кафизмы (филиалы), не имеющие статуса самостоятельного юридического лица и лишь номинально именующиеся скитами и келлиями.

Каждая из келлий выполняла определенную хозяйственную функцию: в Старом Русике находились монастырские огороды; в Благовещенской

келлии — виноградник и пасека; в Дмитриевской — оливковые и фруктовые сады; в Троицкой и Печерской — оливковые рощи; в скиту Крумица — виноградники и т. д.

По замыслу отца Иеронима, воплощенному в реальность, все эти вышеперечисленные номинальные скиты и келлии, будучи звеньями единой структуры, представляли собой места для временного упражнения в аскетических подвигах или постоянного подвижнического жития братии монастыря. Но отправлялись монахи туда не иначе, как по благословению игумена и духовника. Живущая в келлиях в безмолвии и молитве братия должна была заниматься полезным для всего

братства трудом и тем самым приносить двойную пользу обители: духовную — молитвой и материальную — физическим трудом.

Келлия пустынника, по убеждению отца Иеронима, это не «град прибежища» для своевольного преслушника, где он может найти себе место, не вписавшись в строгие правила душеспасительного общежительного монастырского режима, — для таковых келлия станет «рвом погибельным». «Градом спасения» для монаха на самом деле могут стать лишь покаяние, послушание и смирение. Келлия же есть столп сугубого подвига, на который восходят только особо призванные Богом молитвенники и подвижники.

Некоторые из них сподобляются этого отшельнического призвания сразу, будучи предузнаны Богом. Другие — преуспев предварительно в общезжитии, в общем для всех спасающихся подвиге отвержения самолюбия, эгоцентризма и праздности, распяв себя на кресте послушания и жертвенной любви ко всем другим братьям. Только такие подвижники, обретшие через любовь к ближнему высшую любовь к Богу, способны вместить высокое уединенное житие и стяжать в нем благодатные дары Духа Святого, а не пагубную бесовскую прелесть.

Такая мудро продуманная духовная организация русской монашеской общины на Святой Горе пре-

вратила Русик с подчиненными ему келлиями в поистине единую, сплоченную и гармоничную духовную семью, воодушевленную общими целями и задачами под руководством одного духовного отца. Таким образом, общежительный принцип внутреннего монастырского устройства был перенесен и на внешние малые монашеские объединения, что явило замечательный результат — единство в духе и аскетической традиции русской братии Святой Горы.

Тем самым Русик внес весьма весомый вклад в развитие афонского монашеского общежития. Благодаря такой организации отцу Иерониму удалось практически преодолеть кажущееся,

особенно для русского сознания, противоречие между общежительным и отшельническим образом жизни. В то время как многие были склонны противопоставлять эти способы жизни друг другу, отец Иероним считал их двумя взаимодополняющими средствами спасения души.

По его мнению, каждая душа требует индивидуального подхода в деле спасения, и у каждой свой путь ко Господу. Если одному требуется отсечение своей воли в строгой общежительной общине, то другому — безмолвие и отсечение естественного желания общения. Некоторым, в зависимости от степени духовного возрастания, необходимо и то и другое, но в разные

периоды их жизни. Как больные нуждаются в разных лекарствах — в зависимости от болезни, так и спасающиеся души нуждаются в разных методах исцеления. При этом как больной не решает сам, каким лекарством лучше ему лечиться, так и подвижник не должен прежде времени сам определять форму своего подвижничества. Это должен делать исключительно его духовный отец, который творчески подходит к делу спасения вверенной ему души и принимает решения по отношению к ней в соответствии с волей Божией и персональными нуждами этой души.

Индивидуальный, внимательный подход к каждой душе дает возмож-

ность духовнику подобрать наиболее спасительную форму подвижничества и духовного развития. Душа, видя отцовскую заботу духовника, испытывает к нему абсолютное доверие и сыновнюю любовь. Только такие отношения между духовником и подвижником являются гарантией благополучного совершения спасительного действия воли Божией в жизни конкретного монаха.

Отец Иероним творчески и свободно приступал к делу спасения душ своих чад. Будучи убежденным сторонником общежития, он тем не менее благословлял жить в келлиях обители и вести там отшельнический образ жизни нуждающимся в этом. Делал он

это только в том случае, когда имел верное удостоверение о наличии на это воли Божией. Для возможности отшельнического уединенного жития он и сам строил много новых келлий вокруг монастыря.

Тем, кто был способен вместить еще более строгое житие, а также пустынноикам, хотевшим найти себе пристанище близ Русской обители, он предоставил крутой скалистый утес под вершиной горы, возвышающейся над монастырем, где находилось множество пещер естественного происхождения. Поселялись туда отшельники с обязательным выполнением следующих условий: пустынноики эти неотложно должны были

бывать в обители определенное духовником количество раз в году и не реже установленного духовником срока являться к нему для исповеди, откровения помыслов и причащения Святых Христовых Таин.

Вскоре скалистая сия пустыня, некогда бывшая пристанищем лишь змей и скорпионов, по благословению отца Иеронима, исполняющего волю Божию, превратилась в страну подвига и непрестанной умной молитвы за обитель, за всю Святую Гору и за весь мир. Поистине скалу сию вполне можно назвать «Русской Карулей»¹.

¹ Каруля — труднодоступное место отшельнических подвигов на южной оконечности ➔

Таким образом, леса, дубравы и расщелины в окрестностях обители наполнились заповедными местами, связанными между собой и с монастырем цепочками брусчатых троп и дорожек. Пустынники, эти духовные столпы, своей пламенной молитвою достигали неба и восполняли недостаток оной в киновиальном братстве по причине неизбежных, хотя и допустимых общений и хозяйственных попечений.

Отец Иероним, как общий русский духовник на Афоне (обязанности

Афонского полуострова. Отсюда, по аналогии, происходит название «Русская Каруля». — *Примеч. ред.*

которого он принял от почившего в 1846 году великого старца Арсения), никогда не забывал и не оставлял пустынных чад своих, но всячески старался облегчить их нелегкое житие. В обители он установил раздачу милостыни деньгами, провизией, одеждой, принадлежностями для церкви и пр. Тем же из многочисленных пустынников, которые по любви к строгому безмолвию, или по дряхлой старости, или же по болезням и другим каким-либо причинам не могли лично или часто бывать в монастыре, отец Иероним посылал милостыню с нарочным из своих монахов или с их учениками, если таковые имелись и присылались. Этим самым

он предоставлял возможность пустынноикам заниматься молитвой, не вдаваясь в суетные попечения.

Для бедных русских келлиотов и сиромонахов, теснимых греками, отец Иероним устроил пустынный скит Новая Фиваида на земле Крумицы. За короткий срок тут собралось до двухсот пятидесяти иноков, живущих в отдельных каливах, разбросанных на большом пространстве и содержащихся за счет монастыря. Обитель выстроила им соборный храм Всех Афонских Святых, больницу и некоторые необходимые здания. От монастыря и его метохов по благословению старцев доставлялось все необходимое продовольствие. Но это не самое

главное. Важнее то, что, собрав и организовав их всех вместе, старцы ввели среди них и общий устав, обеспечивающий и юридическую, и нравственную дисциплину.

Таким образом складывалась и создавалась русская афонская духовная монашеская семья, сплоченная вокруг древней Русской обители святого великомученика Пантелеимона, распростершей, словно мать, духовные объятия свои и собравшей под омофором Божией Матери всех русских иноков на Афоне. Но семья эта была бы неполной без двух русских скитов — Ильинского и Андреевского.

Напомним, что оба эти скита были основаны в тот печально известный

период, когда Русик казался навсегда утраченным для русской братии. Действительно, не было никаких человеческих средств исправить положение, кроме как со смирением и терпением положиться на Промысл Божий, целиком доверившись ему. Правильность именно этой позиции показал дальнейший ход истории: отнюдь не человеческая рука, а детоводящая десница Промысла Божия чудесным образом возвратила русским инокам их древнее достояние.

Эти три русских обители были родственны не только и не столько по национальному признаку, но и по духовному: так или иначе, в большей или меньшей степени были они связаны

с общим для всех русских на Афоне духовным корнем — великим старцем Арсением, авторитет которого признавали как андреевцы, так и ильинцы. Приняв смиренно выбор старца Арсения, они объединились вокруг отца Иеронима под его духовным руководством как главного русского духовника на Афоне.

Свидетельством мира и добрых взаимоотношений трех русских обителей явилась их совместная сплоченная деятельность. Собравшись вместе, они выкупили участок земли в Галате, предместье Константинополя, для устройства там своих подворий, которые должны были стать ядром своеобразного русского квартала, где

паломники из России, проезжающие через Константинополь к святыням Востока, могли бы чувствовать себя в относительной безопасности, почти как дома. Со временем один из настоятелей Ильинского скита так скажет о союзе трех русских обителей на Афоне: «Мы, как Троица, на Афоне неразлучны и нераздельны».

Отец Иероним прекрасно понимал всю зыбкость статуса русских скитов, не имевших по афонским законам абсолютных прав на свою землю. Из русских обителей только Пантелеимонов монастырь обладал всею полнотою этих юридических прав в качестве кириархального — владетельного монастыря. Остальные же

скиты имели относительные права. Земли же, на которых они стояли, принадлежали греческим кириархальным монастырям. В тогдашней ситуации виделось только два выхода: либо приобрести земли, на которых располагались скиты, в пользу Русика как полноправного владетельного монастыря, либо добиваться для скитов такого же владетельного статуса, который имели монастыри.

Именно Русская обитель, стремительно развивавшаяся и объединявшая всех русских иноков вокруг себя, по мнению наблюдателей, симпатизировавших ей, и даже открытых недоброжелателей, в конце XIX века воплощала в себе самую идею

общежительного монашества на Афоне. Сплоченная русская иноческая община приобрела огромное уважение, вес и влияние в монашеской среде на Афоне, даже среди греческих монастырей, часть из которых имела идиоритмическое устройство. Осознавая это значение и пользуясь им, Русский монастырь становится одним из главных и деятельных защитников и проповедников общежительных принципов на Святой Горе.

В качестве примера того значения и уважения, которые приобрел Русик, можно привести факт избрания греческими монастырями Агио-Павла и Ксенофонт себе в игумены монахов хотя и греков по национальности, но

происходивших из Русской обители, в которой процвело образцовое общежитие. Сделано это было по причине отсутствия собственных достойных и сведущих в киновиальном устройении монастырской жизни кандидатов, способных сохранить духовную жизнь монастыря на высоком уровне.

Начинания отца Иеронима, направленные к объединению всего русского Афона, были очень своевременными. Они явились ответом на те вопросы, которые в далеком Отечестве задавала себе общественная, правительственная и церковная мысль, вдруг неожиданно для себя столкнувшаяся с существованием для многих уже непонятной, живой

и активной монашеской цивилизации и пытавшаяся определить свое отношение к ней.

Многие религиозно мыслящие люди в России спрашивали себя, насколько велика нравственная польза почитания Афона для России. Насколько Афон полезен и нужен ей в государственном, культурном и религиозном отношении? Стоит ли поддерживать стремления представителей русского народа оставаться монашествовать на Святой Горе? Жертвовать ли милостыню в находящиеся там монастыри?

На все эти вопросы созданная старцем Иеронимом русская афонская монашеская семья дала авторитетный ответ: Афон — «свет мира и соль земли»

во все более отпадающем от христианского самоощущения «цивилизованном» мире. Русское монашество на Святой Горе — это сплоченная, единомышленная сила, устремленная к Богу и своей жизнью утверждающая в сердцах людей истину евангельской проповеди Христа о Царстве Божием как о Царстве любви, опытно реализующая слова Псалмопевца: *Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1) и изречение Господа: *о сем разумеют вси яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). Афонское русское монашество засвидетельствовало России, что именно оно — та русская лампада или свеча, поставленная за Отчизну

на свечнике Святой Горы, посольство или представительство Русской земли перед лицом Богоматери, призванное передать Ей в дар всё то лучшее, на что способна русская душа.

И лучшие представители российской общественности, руководители дипломатической службы, представители правительственных кругов и члены священноначалия Церкви не могли не услышать этой деятельной старческой проповеди в защиту вверенной ему иноческой паствы, не могли не увидеть своими глазами, посещая Святую Гору и Русский Пантелеимонов монастырь, а после и не засвидетельствовать своим современникам в России, что русское

монашество на Афоне — это действительно образец истинно церковного русского православного духа и идеального способа организации монашеского общежития, что Русский монастырь — это основательный и надежный фактор русского присутствия на Востоке.

Объединяющая роль Пантелеимоновой обители на Афоне была правильно понята, признана и высоко оценена. Обители святого Пантелеимона была дарована высочайшая милость и покровительство, а русское монашество на Афоне, ею собранное и руководимое, получило официальное признание в правительственных и церковных кругах.

Но русский Афон — это не только жившие во время старца Иеронима святогорские монахи, получавшие от него духовное окормление и всестороннюю поддержку, число коих на Святой Горе умножилось за период его духовничества в Пантелеимоновом монастыре многократно. Русский Афон — это и духовная атмосфера, идущая от личности старца Иеронима через всех окормлявшихся у него за время его жизни на Афоне русских (и не только) монахов и влияющая на всю духовную атмосферу афонской монашеской жизни.

Русский Афон — это и монашеская традиция, которая была возвращена среди русских иноков трудами старца

Иеронима из семян, насажденных еще старцем Арсением, на основании древней византийско-афонской монашеской школы и принесла обильнейший урожай.

Русский Афон — это еще и огромное влияние духовной школы старца Иеронима на всю жизнь его Родины — России: через вернувшихся после паломничества на Святую Гору русских поклонников, через многочисленные письма старца к русским людям из самых разных слоев общества, через те духовные советы и наставления, которые старец Иероним преподавал жаждущим духовной пищи русским душам, через издаваемую в Пантелеимоновом монастыре литературу

и распространение ее по всей великой Руси. Все это в совокупности и представляет собою то духовное явление мирового значения, которое мы называем Русским Афоном.

С открытием Ново-Афонского монастыря на Кавказе влияние отца Иеронима на его далекое географически, но близкое его сердцу отечество особенно возросло. Новооснованный монастырь стал как бы отраслью Пантелеимонова монастыря, во всем от него зависимой; жил строго по уставу Старого Афона, снабжался от него деньгами. На средства Пантелеимонова монастыря были также открыты Ново-Афонские подворья в Сухуме, Керчи, Новороссийске, Туапсе, Петербурге.

Многие из благочестивых русских людей, не имевших по разным причинам возможности посетить Святую Гору, могли теперь приобщиться к ее духовным традициям в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре.

Очевидцы свидетельствуют, что, когда Ново-Афонская обитель была окончена и освящена, вся окружающая ее местность стала как бы земным раем. «Весь берег Черного моря на протяжении владений монастыря превращен в роскошный сад, и каких тут нет растений! И стройные кипарисы, и многолиственные смоковницы, и плодоносные и в высшей степени полезные маслины, и лимоны,

и апельсины, и каштаны, и всякого рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имеется более 30 сортов. Нижний монастырь утопает весь в этой зелени, а верхний величественно царит на темно-зеленом фоне крутых высоких гор над всею этою чудною картиною, поднимаясь по крайней мере на 50 сажен от уровня моря. Сколько трудов стоило срезать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараний, чтобы засыпать некоторые ущелья, провести дороги кверху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобы осушить болота, устроить на горной речке плотину и заставить эту речку работать на

монастырь!» — пишет епископ Никон (Рождественский)¹. Новоафонские иноки говорили: «Бог благословляет, все растет, цветет и плод дает».

«Припоминая то еще не очень отдаленное время, когда местность, занятая ныне Симоно-Кананитским монастырем, представляла дикое неприступное ущелье, и сравнивая его с настоящим, когда ущелье это обращено заботами и трудами русских монахов, пришедших с Афона, в культурный оазис, из которого свет христианства разливается

¹ Здесь и далее цитируется книга: *Никон (Рождественский), епископ. На Новом Афоне. Сергиев Посад, 1911 (переиздание). М., 1998. С. 199–200, 221.*

в Абхазии, я признаю деятельность братии Симоно-Кананитского монастыря в высшей степени плодотворною и достойною всякого поощрения», — оценивает значение обители генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, главноначальствующий Кавказского края¹. «Обитель, как маяк на берегу житейского моря, ярко освещает жизненный путь для православных людей не только этого края, но и всей России», — пишет епископ Никон.

2 марта 1885 года государь император высочайше утвердил предложе-

¹ Письмо 1885 года к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву.

ние Святейшего Синода о передаче Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю древнего (VI века), знаменитого своей историей пицундского Успенского собора «с постройками и наделами» с обращением его в монастырский скит. Новоафонские иноки благолепно обновили храм, украсили иконами, которые вместе с церковной утварью были присланы старцами из Русского Пантелеимонова монастыря, и в древних святых стенах снова началось богослужение.

О высокой оценке трудов старца Иеронима и обоих братств по созданию Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители — центра православного просвещения всего

Кавказа — говорят неоднократные посещения ее членами царского дома и государем императором Александром III со всем августейшим семейством. В 1888 году он совершил там закладку собора святого великомученика и целителя Пантелеимона.

С теми же целями — стать ближе к соотечественникам, принести им пользу своим пастырским служением, удовлетворить духовные нужды, а также обеспечить материально Русский Свято-Пантелеимонов монастырь — были устроены московское Афонское подворье, состоящее из Пантелеимоновской часовни и владения на улице Полянка, и большие монастырские подворья в других городах —

Одессе, Константинополе, новоафонское в Петербурге.

Афонские святыни, посланные в 1862 году в Россию с иеромонахом Арсением, прибыли в Москву в 1867 году. Здесь, при Богоявленском монастыре, по прошению старцев на высочайшее имя была устроена часовня святого великомученика и целителя Пантелеимона, которую торжественно освятили в 1873 году. Святой угодник Божий Пантелеимон возлюбил Москву и возжелал не временно пребывать в ней, а постоянно, как говорил отец Арсений. При благоговейном совершении продолжительных служб афонскими иеромонахами все больше стекалось православных людей

в Пантелеимоновскую часовню, которая не могла вместить всех молящихся. В 1879 году старцы Иероним и Макарий обратились в Святейший Синод с ходатайством о дозволении построить более обширную часовню на той же улице, близ Владимирских ворот. По милости Божией разрешение было получено, и по молитвам великомученика при помощи благодетелей на участке земли, пожертвованном Пантелеимоновой обители И. И. Сушкиным, к 1883 году было возведено величественное здание новой часовни, благолепно украшенной и удобной для молящихся, куда из старой часовни были перенесены афонские святыни. Являлись новые и новые исцеления от

святых мощей, чудотворных икон Божией Матери «Тихвинская» и «Скоропослушница» (последняя была написана на Святой Горе при участии иеромонаха Русской обители Василия и послана старцем Иеронимом в благословение афонолюбивому граду Москве к открытию часовни).

Основанное старцами Иеронимом и Макарием московское Афонское подворье, будучи как бы продолжением Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве, явилось тем центром благочестия и молитвы, где множество православных людей, приезжая из разных мест России, получали пастырскую духовную помощь от афонских отцов, учеников старца Иеронима,

и исцеление телесное от святынь, о чем на Афон стали поступать свидетельства во множестве.

Из московской Пантелеимоновской часовни посильная благодарная помощь православного народа непрерывным потоком текла в Русскую Афонскую обитель. «Открытие часовни дало нам возможность иметь прямые сношения с родною нам Россиею, щедротами коей существует не только наша обитель, но и многие иные здешние обители», — говорил отец Макарий в слове к братии 11 февраля 1877 года.

Посетители часовни могли здесь сделать заказы на иконы афонского письма, для большего утешения

и наставления получить душеполезные листочки и книги издания Свято-Пантелеимонова монастыря. О важном духовно-просветительном значении московского Афонского подворья как главного места книгоиздательской деятельности Пантелеимоновой обители речь пойдет ниже.

Всегда памятуя, кому главным образом Афонский Русский Пантелеимонов монастырь обязан своим возрождением и благоустройством, старцы Иероним и Макарий всеми силами и доступными им средствами старались не оставаться в долгу перед своими благодетелями — русскими православными людьми, соблюдая прежде всего принятые на

себя обязательства быть непрестанными молитвенниками за весь русский народ и неукоснительно поминать имена своих многочисленных жертвователей. На благодеяния русских людей старцы отвечали и тем редким страннолюбием, которое оказывалось всем паломникам из России в Свято-Пантелеимоновой обители, ставшей для них надежным пристанищем на Афоне.

Обитель не требовала от паломников платы за пребывание, иногда длительное, приемля, впрочем, с признательностью их добровольные приношения. Для всякого странника всегда были гостеприимно распахнуты двери, готовы трапеза и покой

в гостиницах. Бедным поклонникам давался в дорогу хлеб. На Карее был построен обширный конак, где русский паломник, путешествуя по Афону, всегда находил себе приют, пищу и духовное о себе попечение.

Благолепные и чинные церковные службы, строгое выполнение братией уставов богослужебных и монастырских, духовное окормление старцами в Пантелеимоновом монастыре полностью удовлетворяли те высокие духовные запросы русских православных людей, которые они предъявляли по отношению к монастырям вообще и святогорским в частности.

Старцы Иероним и Макарий, всеми силами своей доброй души любившие

русский народ, знали его всегдашнее усердие к святыне и стремление посещать святые места православного Востока. Насколько труден и долг путь через Одессу и Константинополь, длительны хлопоты по выправке нужных для выезда за границу бумаг и тяжелы условия проживания в ожидании отъезда, старцы знали по собственному опыту. Отец Макарий вспоминал, что, когда он отправился в паломничество в 1850 году, то ему и его пятнадцати спутникам из Старого Оскола во время пятимесячного (в связи с задержками в оформлении документов) пребывания в Одессе пришлось жить на общей квартире, и «удобно устроиться всем не удалось», не говоря уже

о дороговизне проживания. А отец Иерон в 1862 году по дороге на Афон вынужден был ночевать в Константинополе в холодном, нетопленном помещении. Поэтому для облегчения русским поклонникам путешествия во святые места старцы устроили в 1870–1880-х годах подворья в Константинополе и Одессе.

Множество православных странников и странниц, совершавших паломничество в Иерусалим и на Афон, на этих подворьях находили себе бесплатный приют и истинное радушие, а в лице насельников подворий — заботливых помощников в получении необходимых документов и проводников при посещении святынь

города. Ни в чем не чувствовали отказа паломники на подворьях в Одессе и Константинополе у «наших отцов». Специально для сопровождения поклонников из Константинополя на Святую Гору монастырь посылал особого наблюдающего, и нередко монастырь на собственные средства покупал билеты на Афон и обратно неимущим странникам. Получали они также и духовную помощь, для чего в храме подворья, освященном в 1879 году во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, ежедневно совершались богослужения по афонскому уставу.

Одесское подворье во все время своего существования служило не

только приютом для паломников — им пользовались для удовлетворения своих духовных нужд многие окрестные селяне. Здесь же, на одесском Афонском подворье, находили себе кров бедные сельские священники, приезжавшие по делам в город, их дети, которые там учились, бедные чиновники, ищущие должности, и простые труженики, оставшиеся временно без заработка, и нередко люди, переносящие с христианским смирением какое-либо жизненное испытание. Храм одесского подворья во имя великомученика Пантелеимона, вмещавший 3000 молящихся, был устроен позднее и освящен в 1895 году. Накануне воскресных дней и больших праздников

подворье наполнялось пришедшими и съехавшимися целыми семьями из деревень богомольцами, которые располагались около своих повозок на дворе или размещались по всем коридорам и углам здания подворья. По первому удару колокола все они сходились в обширный благолепный храм подворья и выстаивали до конца праздничное богослужение, затем, после поздней литургии, расходились и разъезжались по домам до следующего воскресного или праздничного дня, унося с собой благодарное чувство и тихую радость.

При московском подворье, в доме на улице Полянка, был открыт на полном содержании от обители приют

на восемь увечных воинов, пострадавших в русско-турецкую войну 1877–1878 годов (в этом же «полянском доме» жил и скончался отец Арсений). На константинопольском подворье монастыря в 1878 году было устроено пристанище для приезжавших тогда из русской армии офицеров и солдат. В Константинополе при русской больнице за монастырский счет построена церковь и содержались при ней из братства монастыря три монаха, а в церковь российского посольства обитель с 1867 года посылала из братии от двух до четырех певцов.

Старцы внушали инокам, трудящимся на подворьях, встречающим

и провожающим сотни и тысячи странников, что их подвиг послушания необходим как труд ради Бога и ближнего. А русские православные люди, возвратясь домой, до конца жизни со слезами благодарности вспоминали страннолюбие афонских иноков и непременно старались послать в Свято-Пантелеимонов монастырь свою посильную лепту.

Надо отметить, что материальный расход на содержание подворий часто был в убыток монастырю, расход не покрывался доходом. Отцом Иеронимом и отцом Макарием преследовалась одна богоугодная цель — благотворительность, удовлетворение духовных потребностей русского

народа, а награда — у Господа. Таков был точный расчет страннолюбивых старцев.

Духовник Иероним неусыпно следил за всеми новыми отраслями своего монастыря, вникал во все их нужды, в письмах обращался к братии с наставлениями и посылал своих лучших, испытанных учеников для руководства ими. Старец радовался духом, видя, что на севере и юге обитель имеет прибежища благочестия и молитвы, в которых может успешно служить душевной пользе людей.

Ему не довелось дожить до открытия петербургского подворья: величественный храм в честь Иверской иконы Божией Матери с подворьем

Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря при нем был освящен в 1888 году. Петербуржцы благодарили Господа Бога за то, что Он дарует им новую святыню и благословение Святой Афонской Горы, и приносили щедрые жертвования на миссионерскую и благотворительную деятельность кавказской обители.

Чтобы подвиг паломничества был осмысленнее для русского странника и приносил душе его бóльшую пользу, благодарная обитель старалась путем распространения брошюр и книг ознакомить паломников с посещаемыми ими святынями и их значением для православных христиан. По благословению старцев Пантелеимоновой

обитатели на одесском и константинопольском подворьях паломникам выдавали бесплатно по 50 нравственно-назидательных брошюр и по такому же количеству листов издания Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, в которых содержались описания многочисленных афонских святынь, давались в простой удобопонятной форме сведения о первых потребностях и обязанностях всякого христианина, делались предостережения об опасности раскола и сектантства, приводились примеры христианской жизни святых угодников Божиих как в подробных, так и в кратких их житиях. На память об Афоне все поклонники наделялись иконками святого

великомученика Пантелеимона, четками, крестиками. Знатным посетителям раздавались издания дорогие, часто в роскошных переплетах.

Просветительско-издательская деятельность Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря началась вскоре после переселения отца Иеронима в Русик, и в этом старцу принадлежит по всей справедливости первая заслуга. Он был душой этого дела. Прозорливо провидев его успех и благотворность, он не щадил ни трудов, ни расходов для его поддержания и расширения.

Первой книгой, изданной в России на средства Пантелеимонова монастыря в 1850 году, была пользовав-

шаяся усиленным спросом читателей книга деятельного сотрудника старца Иеронима Серафима Святогорца (иеросхимонаха Сергия) «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», выдержавшая впоследствии не одно издание и имеющая множество читателей и сегодня.

Продолжая издательское дело, Русский монастырь в 1858 году в Петербурге опубликовал «Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти», а в 1861 году — «Стихотворения Святогорца, собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям Святой Горы Афонской». В 1860 году был напечатан монастырем «Афонский

патерик», собранный старанием другого помощника отца Иеронима — отца Азария. В 1861 году на средства монастыря напечатана в существовавшей в ту пору при Константинопольской патриархии славяно-болгарской типографии книга «Вышний Покров над Афоном» — сказания о многих чудотворных иконах Святой Горы, в 1862 году — «Служба и похвальное слово преподобным и богоносным отцем нашим, во Святой Горе Афонстей просиявшим», а в 1867 году — служба в честь иконы Богоматери, именуемой «Достойно есть». Когда отец Арсений находился в России, там были изданы: в 1863 году «Житие и страдание святого великомученика

Пантелеимона», в 1864 году — «Молитва святому великомученику Пантелеимону» и много разных душеполезных брошюр и листков.

Все, знавшие отца Иеронима, удивлялись его начитанности, знанию Священного Писания и святоотеческих творений. «Хотя и аз много читал книг, но против него — как капля в море», — восхищался инок Парфений.

Не проходили мимо внимания старца и последние издания богословские, нравственно-назидательные и общественно-церковные. Сам он так со смирением объясняет свою любовь к духовному чтению: «Мы получаем семь журналов духовных: “Творения святых отцов”, “Духовную

беседу”, “Домашнюю беседу”, “Христианское чтение”, “Православное обозрение”, “Душеполезное чтение”, “Труды Киевской академии”, а из газет — только одну “Северную пчелу”, да получаем еще греческие три. Я покуда при помощи Божией почитываю довольно и днем и ночью, а без чтения очень скучно и вовсе не могу. Во всем я немощен, и я немало удивляюсь другим, как они могут быть спокойны без чтения от прилогов разных худых мыслей. Я, если и на малое время оставлю чтение, и тогда страдаю от прилива злых мыслей, тут от праздности ума чего не придет на память, всякая чепуха и вздор лезут в ум, а когда постоянно занимаюсь

чтением, тогда и ум, и память бывают чисты и покойны»¹.

Именно отец Иероним с его любовью к духовным книгам и издательскому делу и сознанием той громадной нравственной пользы, которую через них обитель может принести соотечественникам и всему балканскому славянскому православному населению, решил завести в обители собственную типографию. Задуманное было осуществлено в 1865 году; только по совету отца Арсения вместо предполагавшейся сначала отцом Иеронимом печатной машины, требовавшей особых мастеров, выписаны

¹ Письмо к сестре от 17 ноября 1864 года.

были в монастырь два печатных станка — первые печатные станки на Афонe. На них иноки Пантелеимонова монастыря набрали и напечатали «Русско-греческий словарь» отца Иеронима, несколько душеполезных листков и три брошюры: «Слово Исихия, пресвитера Иерусалимского», «Житие святого великомученика Дмитрия Солунского» и «Обетования Божией Матери, данные Святой Афонской Горе». О том, в каких грандиозных размерах было задумано это предприятие, свидетельствуют, например, такие слова отца Арсения старцу Иерониму: «Церковного шрифта отец Мелетий заказал здесь пудов двадцать или поболее.

Что делать! Будем печатать нужное для себя»¹.

Отец Иероним хотел открыть свою типографию официально и в 1868 году от имени обители подал прошение Вселенскому патриарху, в котором излагал свои намерения: «Имея в виду, с одной стороны, распространение по умеренной цене церковных книг между единоверцами нашими — славянскими племенами для удовлетворения их духовных нужд, а с другой — поддержание и укрепление в народе основ православной веры и христианской нравственности, считаем как самое полезное и вместе необходимое

¹ Письмо из Москвы 1865 года.

заведение на Святой Афонской Горе, всеми чтимой и посещаемой с паломнической целью, славянской типографии, на что единодушно соглашается и решается наша обитель. Изложивши все вышесказанное Вашему Святейшеству, с благоговейным послушанием и глубочайшим почтением ожидаем Ваших распоряжений, чтобы при Божественном содействии немедленно приняться за это общепольное и душеспасительное дело на тех основаниях, каковые благоугодно будет указать Вашему Святейшеству...» Но решение патриархии было замедлено по тогдашним обстоятельствам церковной жизни — несогласию между Константинопольской и Болгарской

Церквами. На поданное отцом Иеронимом ходатайство турецкому правительству было выдвинуто условие жесткого контроля, и существование в обители типографии даже с самыми скромными задачами и целями стало небезопасным. Чтобы избежать столкновений с турецкими властями, отец Иероним решил закрыть свою типографию. Литографский же станок, заведенный почти одновременно с типографским, продолжал выпускать картинки для поклонников и в 1870-х годах.

После того как монастырское типографское дело в самом монастыре не удалось, оно было перенесено в Россию, поручено отцу Арсению, который

к этому делу оказался способен и самоотверженно усерден, и развилось широко и плодотворно. Сколь велика духовная польза афонских изданий для русского народа и сколь много они прославляют обитель, отец Арсений узнал из собственного опыта во время путешествия по России со святынями; эти издания в благословение Святой Афонской Горы во множестве раздавались у святых мощей. «Хотя и много есть духовных книг, — писал он отцу Иерониму в 1867 году, — но когда что носит на себе печать святого Афона, то преимущественно приемлется с большею верою и потому бывает полезнее для читающих. Нас Господь поставил на такое поприще,

что если мы пожелаем потрудиться, то много можем сделать добра, ибо что мы говорим, тому верят... Святыня наша, источником чудес и знамений прославившаяся, доставила нам большую веру народа, ей мы все обязаны, и без нее я давно уже был бы на Афоне... Ничем иным мы, грешные, не можем так научить, как раздаянием душеполезных книг и описаний о делах Божиих».

Кто из афонских иноков лучше, чем отец Иероним, смог бы наставить и утешить души, алчущие и жаждущие духовного назидания от Святой Горы? Немногие минуты своего уединения и свободного времени отец Иероним посвящал келейным

запискам — исполненным духовной и житейской мудрости рассказам афонского старца, проведшего большую часть жизни в духовнических трудах, и составлению душеназидательных статей. Он предпринимал и сложные богословские труды: совместно с С. И. Пономаревым составил «Введение» к книге «Евангельская история о Боге Слове, Сыне Божиим, Господе нашем Иисусе Христе, воплотившемся и вочеловечившемся нашего ради спасения». В нем изложено на основании Священных Писания и Предания догматическое учение о Господе нашем Иисусе Христе, Предвечном Совете Пресвятой Троицы о спасении человеческого

рода, о необходимости и цели воочеловечения Сына Божия, приготовлении человеческого рода к принятию Спасителя и состоянию веры и нравственности перед Его пришествием. Подготовка к изданию книги началась отцом Арсением в 1870-х годах, была продолжена после его смерти протоиереем Павлом Матвеевским, и только в 1890 году этот объемный труд был издан. Особенно важным для отечества в связи с усилением там преступной антиправительственной и антицерковной пропаганды старец Иероним считал издание составленной им брошюры «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного

Писания». Брошюру он переслал в Москву отцу Арсению со следующим письмом.

Преподобнейший отец Арсений.

Посылаю Вам статейку «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания», которую в бытность Вашу у нас я читал Вам, и мы говорили, чтобы напечатать ее церковным шрифтом и раздавать без денег простому народу. Просмотрите ее и дайте людям знающим исправить ее, как лучше, и потом поспешите напечатать ее и при помощи Божией пустить в ход. Пожертвуем на это дело до тысячи рублей, ибо оно при содействии

Божием послужит на пользу многих душ и отечества.

*Духовник Иероним.
От 15 апреля 1879 года¹*

Некоторые из душеназидательных творений отца Иеронима выдержали не одно переиздание при его жизни и после смерти и стали известны в России, но мало кто знал, кто является их автором, поскольку часто они были подписаны только инициалами².

¹ Брошюра вышла в свет в 1880 году и выдержала ряд переизданий.

² Действующие лица наиболее известных рассказов старца, такие, как схимонахи Никодим и Гавриил, стали почитаться как великие →

Начало регулярной просветительско-издательской деятельности Пантелеимонова монастыря в России отец Арсений положил выпуском в свет целого ряда брошюр под заглавием «Описание знамений и исцелений, благодатию Божией бывших в разных местах от святых мощей и части Животворящего Древа Креста Господня, принесенных со Святой Афонской Горы, из Русского Пантелеимонова монастыря». Тогда же издааны, после больших хлопот и переписки с отцом Иеронимом, «Сказания

подвижники (см.: Жизнеописания отечественных подвижников XVIII–XIX веков. М., 1908. Июнь. С. 342–353; М., 1909. Август. С. 6–18).

о земной жизни Пресвятой Богородицы», «Служба и акафист святому великомученику Пантелеимону» и другие книги. Находясь в постоянной переписке с отцом Иеронимом, отец Арсений получал благословения на издание книг и испрашивал святых старческих молитв в помощь столь трудному и хлопотливому делу. С 1878 года стал периодически издаваться журнал «Душеполезные размышления», в 1888 году переименованный в «Душеполезный собеседник», который приобрел широкую известность во всех слоях русского общества и при крайней своей дешевизне был доступен всем, от богатых до неимущих. В количестве 15–20 тысяч

экземпляров ежемесячно журнал бесплатно раздавался и рассылался монастырем по всей России.

Особенную заслугу Пантелеимонова монастыря составляет издание сочинений святителя Феофана Затворника: толковательных — на послания святого апостола Павла, аскетических — переводных («Добротолубие» в пяти томах и другие) и собственных («Путь ко спасению», «Письма о христианской жизни» и прочие).

Кроме вышеупомянутых сочинений Святогорца, немало было издано Русским Пантелеимоновым монастырем и других подобных им по содержанию крупных и мелких сочинений, знакомящих православных читателей

со Святой Горой, историей и бытом ее насельников, и в частности с Русской обителью, например: «Второе посещение Святой Афонской Горы Василием Григоровичем-Барским», «Путеводитель по Святой Афонской Горе», «Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской», «Акты Русского на Святом Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона». К подобным изданиям нужно отнести книги, прославляющие Божию Матерь, как покровительницу Афона, и Ее чудотворные иконы, жития угодников Божиих и подвижников, прославившихся на Святой Горе. Почти все книги

Русского монастыря выдержали множество переизданий. Едва ли можно было указать в России обитель, духовное учреждение или учебное заведение, где не имелось бы изданий Афонской обители. Что же касается брошюр религиозно-нравственного содержания, противосектантских и противораскольнических¹, то их невозможно перечислить. Обителью ежегодно распространялось

¹ Для обращения раскольников к Русской Православной Церкви в 1874 году из Пантелеимоновой обители в Казанскую епархию по просьбе архиепископа Казанского Антония старцами был послан схимонах Михаил, имевший опыт в противораскольнической деятельности.

бесплатно 300 тысяч экземпляров брошюр и около двух миллионов листков. «Раздавайте их в расширение славы Божией», — завещал старец Иероним¹. Этими трудами для душевной пользы православных в России Афонская обитель вполне отплачивала русским людям за их непрекращавшуюся благотворительную помощь.

О многополезной просветительской деятельности Пантелеимонова монастыря хорошо сказал А. А. Дмитриевский, автор книги «Русские на Афоне»: «Ни одно из крупных явлений нашей внутренней политической или религиозной жизни не проходило

¹ Письмо к сестре от 8 января 1884 года.

незамеченным нашими афонскими иноками, которые чутко, даже до болезненности, прислушиваются ко всему тому, что происходит внутри их хотя и покинутого, но все же близкого их сердцу дорогого отечества... Через афонские издания за весь сравнительно еще недлинный период их просветительно-издательской деятельности посеяно немало добрых семян на невозделанной еще и обширной ниве нашего народного религиозно-нравственного просвещения. Красноречивыми выразителями народной благодарности и ценителями громадной пользы для него от изданий Русского Афоно-Пантелеимонова монастыря являются наши архипастыри,

содействующие этому великому делу народного просвещения своими собственными литературными трудами, появляющимися на страницах афонских изданий»¹. Многие из русских архиереев, архимандритов, протоиереев и иеромонахов, профессоров, известных в нашем отечестве своими литературными трудами, принимали участие в подготовке изданий Пантелеимонова монастыря. Свой вклад в духовно-просветительскую деятельность обители внесли и некоторые из ее братии. Кроме Святогорца, это были отцы Азарий, Аркадий, Селевкий, Матфей,

¹ *Дмитриевский А. А. Русские на Афоне.* СПб., 1895. С. 325.

Пантелеимон, Арсений, Денасий, Михаил, а также отец Владимир — постоянный корреспондент «Душеполезного собеседника».

На страницах афонского ежемесячника печатались некоторые из глубоко назидательных поучений братии, произнесенных игуменом Макарием по разным случаям. После смерти отца Иеронима в «Душеполезных размышлениях» и «Душеполезном собеседнике» публиковались некоторые его келейные записки и отдельные воспоминания духовных чад, в том числе отца Макария, о своем старце-духовнике.

Отцы Иероним и Макарий много заботились о приведении в должный

порядок и благоустройстве монастырской библиотеки. Было отстроено ее здание. Старцы не жалели средств для пополнения библиотеки. Если русский путешественник профессор В. И. Григорович в начале поселения русских в обители нашел в ней 500 печатных книг и 60 рукописей, то благодаря заботам старцев и усердию отца Матфея фонд ее увеличился настолько, что при жизни отца Иеронима одних рукописей X—XIX веков стало насчитываться до 700 на греческом языке и до 100 на славянском, печатных книг на разных языках — до 20 тысяч. В монастырском архиве хранится драгоценное сокровище обители — более 50 царских и других

грамот, в числе которых грамоты от русских царей Феодора Иоанновича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и одна от святителя Иова, патриарха Всероссийского, также грамоты патриархов Константинопольских Каллиника и Иоакима и другие монастырские акты XI—XIX веков.

Приведенная старцами в образцовый порядок, библиотека Русского Пантелеимонова монастыря встала в ряд с лучшими святогорскими библиотеками — Ватопеда и Великой лавры. Благодаря редкому гостеприимству старцев Иеронима и Макария она открывала двери многочисленным ученым, желавшим в ней поработать,

и усердно служила делу духовного просвещения и народного образования в России.

Старцы Пантелеимонова монастыря также постоянно посылали во многие губернии отечества вспомоществования на нужды духовных учебных заведений. Русской духовной миссии в Японии, кроме высылки икон, картин и крестиков, всегда оказывалась денежная помощь, достигавшая 6 тысяч рублей, равно как и Алтайской миссии. Оказывалось вспомоществование Русской духовной миссии в Иерусалиме при постройках на Елеоне.

Такая громадная работа была проделана русскими святогорцами

совместно с русским народом под руководством старцев Иеронима и Макария по созданию материальных и духовных ценностей Русского Пантелеимонова монастыря. Обитель стала близка и дорога православному русскому народу, на средства и при участии которого была выстроена большая часть зданий, приобретена церковная утварь, собраны богатая ризница, библиотека и пр. Поэтому Пантелеимонову обитель в то время по справедливости можно назвать народным монастырем.

Когда в 1846 году умер старец Арсений, общий духовник русских монахов, которых было тогда человек 50, то преемником своим он назначил

отца Иеронима. За годы жизни отца Иеронима число братии превысило 800. Самостоятельный, мощный во всех отношениях Русский Пантелеимонов монастырь под управлением старцев Иеронима и Макария стал во главе всего русского монашества, живущего по скитам, келлиям, каливам, в разного рода уединении. Всем этим «меньшим братьям» старцы Русиковы оказывали помощь духовную и материальную, поддержку и защиту.

Воспитанник и преемник отца Иеронима схиархимандрит Макарий стал именоваться не просто настоятелем одной из афонских обителей, но «игуменом всех русских

святогорцев». Под руководством этих двух столпов русского монашества на Афоне установился образцовый общежительный порядок, ежедневно совершалось до пятнадцати литургий по разным храмам и параклисам, обитель принимала громадное число паломников. Уже при жизни старцев сформировался в основном архитектурный облик монастыря.

И все это совершилось в то время, когда православное монашество, по словам отца Иеронима, было притесняемо и гонимо «безбожным духом времени», когда в России оно было «заклеймено именами тунеядства, пьяного развратного класса и непотребного общества». «Покойный

Муравьев говорил и писал, что у нас, то есть в России, стремятся стереть монашество с лица земли. Такой отзыв о состоянии духа современного общества в России подтверждает вышесказанное о нем, что оно не терпит монашества и желает избавиться от него как от противоположного ему и всегда беспокоящего его общества. И вследствие этого оно старается уронить честь монашества перед народом и вовсе очернить его пред ним, дабы таким образом охладить или вовсе уничтожить охоту в народе к поступлению в монашество. Разумеется, что это измышление самого сатаны. Но Господь Сам, Ему

ведомыми путями, разрушит это дьявольское ухищрение»¹.

В начале было сказано, что состояние афонского монашества всегда зависело от России. Теперь же совершилось обратное. Неблагоприятная для монашества обстановка в России не привела к его угасанию, напротив, благодаря деятельности старцев Иеронима и Макария оно процвело в высшей степени и начало оказывать влияние на Россию, разрушая таким образом «дьявольское ухищрение».

В то время как в российское общество под влиянием Запада все больше

¹ Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима... С. 156–158.

проникали идеи, чуждые православию, когда боголюбивое народное сердце всё чаще и чаще оставалось духовно неудовлетворенным, Пантелеимонова обитель стала светом миру. Таким образом, афонские старцы Иероним и Макарий так же послужили своему отечеству в XIX веке, как послужили в свое время преподобные отцы Антоний Печерский, Сергей Радонежский, Паисий Величковский.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Во имя Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Прошу и молю отцов и братьев моих обратить внимание ваше на мою последнюю предсмертную просьбу, соединенную с великим моим желанием утверждения навеки общего нашего спасения, заключающегося в благоугождении Богу сохранением совершенного общежития, устроенного

старцами в нашей обители по правилам богоносных наших отцов. Так как конец жизни моей приближается с вами к разлучению и отходу моему в вечность, потому, внявши совету отцов, я счел за душеполезное дело как для братьев наших, так и для меня самого, чтобы написать вам, отцам и братьям моим, своеручно последнее мое писание и заявить вам предсмертное мое желание и смиренное мое старческое прошение, которое состоит в том: так как Божественноотеческий Промысл Божий благоволил для славы Своей собрать вас из разных племен великое число: русских, греков, болгар и других — в эту святую обитель, которую соблаговолил

Он прославить и во всем благоустроить в евангельском духе строгого общежития, в боголюбезном братолюбии разных племен, то для такого благоугодного Ему жития Он, как Бог чудес, прославляющийся оными во святых Своих, благоволил для славы Своей и утешения Православной Церкви Своей, вместе и обители нашей, явить чрез Пресвятую Божию Матерь и святого Пантелеимона многие чудеса, которые были причиною скорого увеличения нашей обители и ее прославления, что положило прочное основание к обеспечению обители и в вещественном потребном к безбедному ее существованию на будущее время.

Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великою бедностию и даже тяжкими долгами, ибо до Крымской войны обитель наша не имела состояния раздавать милостыню бедным, но когда в то бедственное время обитель наша с полным самоотвержением решилась поделиться с голодавшими сиромахами последним своим хлебом, то с того времени замечено было, что из всех стран России начала присылаться в обитель изобильная милостыня, при помощи которой в то бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании, но еще многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения.

Но не за это, собственно, Господь ущедрил обитель нашу, а за понуждение ее ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежечасно плоды духовные. Эта истина для вас очевидная. Еще многие из вас живы, которые видели и помнят то время, когда обитель наша была малочисленна и очень бедна, во всем имела нужду, даже и одних процентов за долги не имела чем уплачивать, но еще увеличивала оные постоянными займами. Но при всей своей бедности обитель не унывала, не падала духом, но веровала и уповала, что за исполнение заповедей Божиих общежительных она оставлена Богом не будет в нищете на

долгое время, и действительно, она постоянно увеличивалась и устраивалась как духовно, так и вещественно, исполняя строго богоучрежденный ее устав. Ибо чем более увеличивались в обители плоды духовные, как то: братолюбие, воздержание, частая исповедь и приобщение Святых Таин, смирение и послушание, понуждение ко бдениям и прочим добродетелям, тем более Бог посылал обители щедроты Свои духовные и телесные. Даже многократно Господь чудесно избавлял обитель нашу от великих и страшных бед. А все это даровано было Богом обители за сохранение ею совершенного общежития. А так как все это было при вас, отцы, потому

я выше и сказал, что эта истина есть для вас очевидная.

Так, боголюбезные отцы и братья мои, избранники Божии, получивши от Бога такие благодатные задатки и указания к благоугождению Ему в святом, то есть в совершенном и чистом, общежитии, понудим же себя и впредь навсегда ко исполнению и сохранению положенного и уже устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым пу-теводились и спасались святые наши отцы. Сей святой устав учрежден весь на основании Святого Евангелия бо-гоносными отцами, а наиболее свя-тителем Василием Великим. Исто-рия показывает, что исполнение сего

общежительного устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивали тем долголетнее свое существование. Даже и в настоящее время видим, что которая обитель исполняет этот устав, та находится в хорошем благоустройении и во славе и чести для всего монашества. Напротив того, видим, что которые монастыри оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельную монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились.

И так история и очевидные примеры показывают нам опытный урок тот, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение богоустроенного ее устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страстных треволнений и конечного ее разрушения до конца мира. А одно обеспечение вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающий ваш духовный отец, вседушевно желаю обители нашей и впредь находиться во благоустроении истинного

общежития, прошу и умоляю вас, отцы мои и братья, хранить богодарованный вам великий дар чистого общежития, не нарушать его ничем, но наипаче ревнуйте вообще все поддерживать его всеми вашими силами, ибо в настоящее время чистое общежитие есть уже большая редкость.

Паче всего храните старчество, ибо оно устроено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. Без старчества совершенное общежитие не может быть, потому что многоначалие своими разделениями на партии всегда расстраивает общежитие. Особые дружба и партии смотрят только свою пользу, а не общую, потому они и за грех не считают великий грех святотатства

и похищение монастырских достояний, пренебрегая страшным примером суда Божия, при апостолах бывшего над Ананией за нарушение общежития. Прошу не внимать возгласам зараженных современным духом неверия и расслабления, которые в братстве проводят такие мысли, что-де в настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василия теперь уже не современны. Если этой лжи поверить, в таком случае и само Святое Евангелие также будет уже не современно, потому что правила общежития утверждаются на основании Святого Евангелия, которого одна черта или йота не изменяется. А посему так говорящие показывают

свое неведение христианской истории, потому что и в те времена, когда жили составители сего устава, много было таковых же маловеров и расслабленных ложных монахов, которые то же говорили, но таковых святые отцы советуют нам не называть даже и монахами и жилища их не называть монастырями. А потому, отцы и братия мои, вы, как избранники Божии, сохраняющие святой устав совершенного общежития, ревнуйте о славе Божией и всеми вашими силами единодушно старайтесь не допускать в общежитии никаких разделений братства на партии, как подрывающие основание общежития, но смотреть на общежитие как на Церковь Христову, имеющую

единую главу — Христа, ибо в лице Его в общежитии поставлен от Него игумен, которому по правилам святых отцов братство должно повиноваться, как Самому Иисусу Христу, и во всем ему доверять. В общежитии он есть и главный духовный отец, потому надобно все делать с вопросом и советом его, ничего не утаивать от него, ибо такая есть воля Божия в общежитии.

Вот, боголюбезные отцы мои и братья, последнее мое желание: чтобы вы в любви, в единомыслии и единомыслии твердо держали общежитие и, с усердием исполняя все правила его, спасались бы все и тем прославляли бы Бога, особенно благоприятным Ему поминовением имен благодетелей

обители, записанных в синодики для вечного их поминовения. Они с христианскою верою это делали, уповая, что обитель исполнит святое свое обязательство, то есть будет постоянно помянуть до скончания мира все те имена, за которые дана ими обители святая их жертва, послужившая большою помощью не только к построению великих зданий монастыря, к увеличению его и содержанию, но еще и к обеспечению для потомства имен жертвователей, записанных для вечного поминовения их, дабы потомки наши не имели причины порицать нас в том, что мы оставили им имена для вечного поминовения без обеспечения. Богпросвещенное общество наше знает,

что исполнение этой святой обязанности есть один великий дар или луч из тех лучей света, который просвещается в обители пред человеки, прославляющими за то Бога, ибо для сего вы и призваны Им в сию святую обитель, что и мне, грешному советнику вашему, сотворит вечную пользу; еже и да будет благодатию Божиею, молитвами Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона, которых и молю о продолжении покровительства их обители и сохранении святого общежительно-го совершенного устава до скончания мира. При сем и остаюсь, отходящий в вечность, алчущий и жаждущий исполнения вами при помощи благодати предсмертного моего желания,

преданного мною вам на сей хартии, писанной мною своеручно во славу Божию и спасение душам вашим.

Ваш духовный отец недостойный

иеросхимонах Иероним.

1882 года, апреля

ВТОРОЕ ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ¹

Возлюбленные мои отцы и братья! Я обращаюсь к вашей любви за

¹ Накануне 20-го дня после смерти отца Иеронима было найдено второе его духовное завещание. Оно было прочитано соборно после →

МОЛИТВЕННОЮ ВАШЕЮ ПОМОЩИЮ МНЕ САМОМУ, ТАК КАК ПРИБЛИЗИЛСЯ КОНЕЦ МОЕГО ЖИТИЯ С ВАМИ И Я ТЕПЕРЬ ИМЕЮ ВЕЛИКУЮ НУЖДУ В МОЛИТВЕННОЙ ВАШЕЙ ПОМОЩИ МНЕ, ОТХОДЯЩЕМУ ОТ ВАС В ПУТЬ ВЕЧНЫЙ И НЕВЕДОМЫЙ. ПРОШУ ВАС: МОЛИТЕСЬ ОБ ОСТАВЛЕНИИ МНОГИХ МОИХ ГРЕХОВ, ДА УЛУЧУ ОТ БОГА МИЛОСТЬ. ПОМЯНИТЕ ЛЮБОВЬ МОЮ К ВАМ, РАДИ КОТОРОЙ Я ПРЕНЕБРЕГАЛ СОБСТВЕННОЮ МОЕЮ ПОЛЬЗОЮ, НО ВСЕГДА ИСКАЛ ТОЛЬКО ВАШЕЙ ПОЛЬЗЫ, ВСЕМ ВАМ СОСТРАДАЛ И ВО ВСЯКОЙ СКОРБИ ВАШЕЙ СОЧУВСТВОВАЛ

панихиды по нему в 20-й день его кончины. Это последнее трогательное слово старца, в котором излилась его любвеобильная и смиренномудрая душа.

вам. Но вместе с тем иногда по ревности ко спасению вашему грешил я гневом, укорял вас, хотя и от чистой любви, желая спасения душам вашим. Но так как страсти незаметно примешиваются ко всякому доброму делу, то могло быть, что иногда кого-либо и неправильно оскорбил, или чрез меру кого укорял, или, как человек, кого-либо чем ненамеренно соблазнил. Потому прошу у всех вас прощения и усердных молитв ваших за меня, да безбедно пройду страшные мытарства злых духов. И я прощаю всех вас во всем, кто чем-либо меня оскорбил. Ах, отцы и братие мои! Воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу за мою любовь к вам.

Ибо вы все были в моем сердце, я обо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал. Вот приблизился ко мне тот страшный последний час смертный, который был и для святых страшен, а я, грешный, как не буду страшиться?! Ибо сказано: *Ему же много дано, много и взыщется от него* (Лк. 12, 48); боюсь суда Божия, братие, помогите мне вашими молитвами. Возболезнуйте о мне вашими сердцами и пролейте о мне слезы, да не задержан буду на мытарствах, ибо и святые многие боялись смерти и просили других молиться о них. Вспомните предсмертное завещание святителя Митрофана Воронежского,

как он усердно просил других молиться о нем, тем более мне, грешному, нужно просить всех моих отцов и братьев молиться о мне. Темже, отцы и братие мои, дорогие Христу, яко искупленные кровию Его, смиренно и усердно прошу вас: пролейте моления и слезы ваши пред Богом о любившем вас грешном вашем духовном отце, яко да обрящу милость на суде Божиим и сподоблюсь сопричислен быть к лику спасенных отцов и братьев наших. Поплачьте о мне, поплачьте — это мне и вам будет во спасение и на вечную славу создавшего нас и спасшего неизреченным Своим смотрением Троиединого Бога нашего, Отца и Сына и Святого Духа,

Которому да будет от всех нас всякая слава ныне и во веки веков. Аминь.

Эту мою хартию прошу прочитывать пред погребением бранных моих останков.

Духовник Иероним

После смерти отца Иеронима многие на Святой Руси сказали от души молитвенно: «Вечная память при-сноблаженному афонскому русско-му старцу-духовнику иеросхимонаху Иерониму», потому что Россия многим обязана ему: как было уже ска-зано, светильник этот хотя и горел на Афоне, но сиянием своим озарял и земную свою Отчизну.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрей Ковалевский, протоиерей*. Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря, и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий. М., 2006.
2. *Дмитриевский А. А.* Русские на Афоне. СПб., 1895.
3. Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012.
4. Жизнеописание иеросхиархимандрита Иеронима, старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М.: Сибирская Благовонница, 2012.
5. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / Сост. архим. Никон (Рождественский). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1904. С. 125.

6. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и похвальное слово ему, написанное учеником его Епифанием Премудрым. СПб., 1885.
7. История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен до 1735 г. Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, 2015.
8. Киево-Печерский патерик / Пер. Е. Поселянина. М., 1900.
9. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1912.
10. *Макарий (Булгаков), архиепископ Харьковский.* История Русской Церкви. Т. 4. Кн. 1. СПб., 1866.
11. Монаха Григория житие преподобного Ромила // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1900. Вып. 136.
12. *Никон (Рождественский), епископ.* На Новом Афоне. Сергиев Посад, 1911.
13. *Парфений, инок.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Ч. 2. М., 1856.

14. Старцы-возобновители Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Ч. 1. Духовник Иероним. Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, 2014.
15. *Феодосий (Харитонов), иеросхим.* История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К Свету. М., 2000. Вып. 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Монах Арсений (Святогорский)

СТАРЕЦ ИЕРОНИМ

И ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОГО АФОНА5

ПРИЛОЖЕНИЕ

Духовное завещание 228

Второе духовное завещание 243

Использованная литература 250

Сибирская Благозвонница

издательство православной литературы

Издательство «Сибирская Благозвонница» предлагает широкий выбор православной литературы: богословской, житийной, миссионерской, педагогической, детской, художественной. К вашим услугам склад-магазин оптово-розничной торговли, магазины книжной продукции издательства в Москве и регионах России, а также интернет-магазин: www.blagozvon.ru.

Ждем вас!

• Редакция •

125167, Москва, ул. Красноармейская, дом 2, строение 4
Телефон: 8 (495) 614-33-07; факс: 8 (495) 614-39-18

• Склад-магазин оптово-розничной торговли •

111141, г. Москва, ул. Плеханова, дом 11, склад 28
– розница: телефон/факс: 8 (495) 363-45-10
– опт: +7 (916) 346-19-50 *Даниил*; +7 (916) 544-41-99 *Елена*

• Магазины книжной продукции •

издательства «Сибирская Благозвонница» в городах России

Город	Адрес	Телефон
Екатеринбург	... ул. Азина, д. 20/1.	8 (343) 378-12-56
Екатеринбург	... ул. Белинского, д. 86.	8 (343) 286-26-41
Екатеринбург	... ул. Репина, д. 6А.	8 (343) 228-15-26
Новосибирск	... ул. Советская, д. 44 (м. Красный пр-кт). ...	8 (962) 834-63-06
Омск	... ул. Булатова, д. 100.	8 (381) 221-12-51
Омск	... ул. Ленина, д. 33.	8 (381) 237-27-50

www.blagozvon.ru

монах арсений (святогорский)

Старец Иероним

и возрождение Русского Афона

Редактор

Е.Л. Чеканова

Корректор

О.В. Грецова

Художественное оформление

С.Ю. Губин

Верстка

Г.Н. Шафигуллина

Техническое сопровождение

Ю.В. Мосягин

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 01.09.2016. Формат 60x90/32
Бумага офсетная. Печ. л. 8. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 6747.

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6

Отдел оптовых продаж:

111141, г. Москва, ул. Плеханова, дом 11, склад 28.

Телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.

Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34,

телефон/факс +7(4822) 44-42-15.

E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru.

МОНИНС
АГІОУ ПАНТЕЛЕІМОНОС

В 2015 году, 14/27 ноября, исполнилось 130 лет со дня блаженной кончины одного из самых почитаемых русских святогорских подвижников и наставников — старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова). За время его жизни в обители в ней собралось до восьмисот человек братии, что свидетельствует о высокодуховной благодатной атмосфере, созданной трудами отца Иеронима, на котором явно почивала печать богоизбранности. Это говорит и о том, что в обитель шли ради отца Иеронима, видя святость его жизни, желая стать подобными ему в христианских добродетелях, шли, чтобы стать членами духовной монашеской семьи, возглавляемой богоподобным в любви духовником. Память о нем бережно и благоговейно передается в Афонском Пантелеимоновом монастыре от поколения к поколению.